

ВОЕННАЯ РЕФОРМА РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Алексей Арбатов, Владимир Дворкин

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ВОЕННАЯ РЕФОРМА РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Алексей Арбатов, Владимир Дворкин

Москва

2013

УДК 327
ББК 66.4
А79

Рецензент кандидат исторических наук Наталия Бубнова.

Russia's Military Reform: Current Situation and Prospects.
Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications>.

Книга подготовлена в рамках программы «Проблемы нераспространения», осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Научно-техническое обеспечение — Петр Топычканов.

Арбатов, А.

А79 Военная реформа России: состояние и перспективы / Алексей Арбатов, Владимир Дворкин ; Моск. Центр Карнеги. — М., 2013. — 79 с.

ISBN 978-5-905046-18-6

Книга подготовлена в рамках проекта «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги. Авторы дают оценку результатов военного реформирования в России, особенно шагов, предпринятых после возвращения к высшей власти Владимира Путина в итоге президентских выборов в марте 2012 г. Рассматриваются текущее состояние военной политики и планы на будущее. Авторы предлагают анализ тех аспектов, в которых впредь нужна лишь «тонкая шлифовка», и тех, где потребуются основательная «ревизия ранее принятых решений».

Для специалистов по проблемам военной политики, а также широкого круга читателей.

УДК 327
ББК 66.4

Содержание

5	Резюме
7	Об авторах
8	Благодарность
9	Принятые сокращения
11	Введение
12	Главные направления «реформы Сердюкова»
15	Национальная оборона, внешняя и внутренняя политика
15	Президентство Медведева
18	Предыстория отношений
19	Третий срок Путина
23	Подход к обороне и безопасности
25	Военная истерия
28	Реальные угрозы
30	Необходим пересмотр приоритетов
34	Общая структура Вооруженных сил
38	Проблемы комплектования и текущего содержания
38	Дилеммы призыва и контракта
45	Денежное довольствие и жилье
49	Ядерные вооружения
50	Стратегические ядерные силы
54	Оперативно-тактическое ядерное оружие
55	Воздушно-космическая оборона
59	Военное образование и наука
61	Программа вооружений и экономика
62	Система выработки решений по программе вооружения
66	Возможности промышленности
67	Макроэкономические реалии
69	Заключение
73	Примечания
79	Московский Центр Карнеги

РЕЗЮМЕ

По итогам военного реформирования в России в 2008—2013 гг. требуется «шлифовка» отдельных осуществленных преобразований и глубокая корректировка других. Упор должен быть сделан не на вымышленные угрозы безопасности, а на противодействие реально существующим, связанным в первую очередь с массовыми движениями вооруженного экстремизма, ядерным распространением, терроризмом. Следует скорректировать Государственную программу вооружения до 2020 г., исходя из прагматической оценки первоочередных задач армии и флота и с учетом реалистических прогнозов экономического развития страны.

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

1. Достижениями реформы 2008—2013 гг. являются повышение денежного довольствия и пенсий военнослужащих, интенсификация учений, капиталовложения в обновление оборонно-промышленного комплекса, отказ от дивизий неполного состава, сокращение частей и разукрупнение соединений, улучшение материально-технического состояния Вооруженных сил.
2. В то же время фундаментальным недостатком военной политики и реформы является то, что их система приоритетов с упором на ядерное сдерживание и воздушно-космическую оборону (предполагающая противостояние и соперничество с США и их союзниками) не отвечает реальным угрозам безопасности, которые исходят с южных направлений, а также связаны с распространением оружием массового уничтожения и его носителей.
3. Структурные преобразования Вооруженных сил к настоящему моменту практически сведены на нет совмещением объединенных стратегических командований (ОСК) с укрупненными военными округами, что обременило ОСК административно-хозяйственной деятельностью.
4. Реформирование системы комплектования Вооруженных сил, сокращение офицерского корпуса и программа набора контрактников пока не дали удовлетворительных результатов и при этом принесли большие издержки.
5. Государственная программа вооружений не вполне соответствует выделяемым ассигнованиям и производственным возможностям оборонно-промышленного комплекса страны — особенно с учетом

неустойчивой системы ценообразования и распыления средств на многочисленные типы закупаемых вооружений и техники.

РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Реально прогнозируемые угрозы безопасности требуют — наряду с поддержанием и развитием оптимального стратегического наступательного и оборонительного потенциалов — радикального повышения эффективности сил общего назначения в проведении локальных, региональных и миротворческих операций.
2. Нужно ориентировать объединенные стратегические командования всецело на оперативное руководство и подготовку войск и сил к ведению боевых действий нового типа.
3. В реформе системы комплектования следует в разумно короткие сроки (два-три года) перейти полностью на добровольно-контрактный принцип набора рядового и сержантского состава, даже если для этого придется сократить численность Вооруженных сил примерно до 800 тыс. человек.
4. Целесообразно скорректировать Государственную программу вооружения до 2020 г. на основе реалистических прогнозов экономического развития страны и с учетом возможностей оборонной промышленности.
5. Система разработки и реализации программы вооружения должна быть существенно преобразована: стать более открытой, конкурентной и обоснованной с точки зрения соотношения стоимости — эффективности систем оружия, подлежать постоянному контролю со стороны парламента и незаинтересованных исполнительных структур, быть предметом анализа и рекомендаций специальных комиссий независимых экспертов.

ОБ АВТОРАХ

Алексей Арбатов — доктор исторических наук, академик РАН, руководитель Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ЦМБ ИМЭМО РАН), председатель программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги.

Владимир Дворкин — доктор технических наук, главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН, консультант программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги, генерал-майор в отставке.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Авторы выражают благодарность Фонду Джона Д. и Кэтрин Макартуров, Фонду Старр и Корпорации Карнеги Нью-Йорка за их поддержку программы «Проблемы нераспространения», в рамках которой выполнена настоящая работа. Авторы выражают признательность руководству, научным и техническим сотрудникам Фонда Карнеги за Международный Мир и Московского Центра Карнеги за их интеллектуальный вклад и организационно-техническую помощь при работе над книгой.

Мы особенно благодарны всем российским специалистам из научно-исследовательских организаций, государственных ведомств, общественных центров, средств массовой информации, которые приняли участие в ряде семинаров и конференций, проводившихся в рамках проекта в течение 2012 и 2013 гг., и высказали ценные мнения по тематике исследования.

Настоящая работа, осуществленная под эгидой Московского Центра Карнеги, выражает точку зрения только авторов работы, которые несут полную ответственность за ее содержание. Их анализ, критические замечания и предложения адресованы политическим кругам, академическому сообществу, информированному общественному мнению России.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АТЭС	— Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
БЖРК	— боевой железнодорожный ракетный комплекс
БРИКС	— Бразилия, Россия, Индия, КНР, ЮАР
ВВП	— внутренний валовый продукт
ВВС	— военно-воздушные силы
ВДВ	— воздушно-десантные войска
ВиВТ	— вооружения и военная техника
ВКО	— воздушно-космическая оборона
ВМФ	— военно-морские силы
ВО	— военный округ
ВС	— вооруженные силы
ВТО	— Всемирная торговая организация
ГОЗ	— государственный оборонный заказ
ГПВ-2020	— Государственная программа вооружения до 2020 г.
ЕС	— Европейский союз
МБР	— межконтинентальная баллистическая ракета
МВД	— министерство внутренних дел
МИД	— министерство иностранных дел
НАТО	— Организация Североатлантического договора
НИИ	— научно-исследовательский институт
НИОКР	— научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
ОДКБ	— Организация Договора о коллективной безопасности
ООН	— Организация Объединенных Наций
ОПК	— оборонно-промышленный комплекс
ОСВ	— ограничение стратегических вооружений
ОСК	— объединенное стратегическое командование
ПВО	— противовоздушная оборона
ПРО	— противоракетная оборона
РВСН	— ракетные войска стратегического назначения
РЛС	— радиолокационная станция
РСМД	— ракеты средней и меньшей дальности

СВ	— сухопутные войска
СНВ	— стратегические наступательные вооружения
СНВ-2	— Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 г.
СНГ	— Содружество Независимых Государств
СНП	— стратегические наступательные потенциалы
СПРН	— система предупреждения о ракетном нападении
ССО	— силы специальных операций
СЯС	— стратегические ядерные силы
ТЯО	— тактическое ядерное оружие
ЯО	— ядерное оружие

ВВЕДЕНИЕ

Отставка министра обороны России Анатолия Сердюкова в октябре 2012 г. и привлечение его в качестве свидетеля к следствию по делу о коррупции, арест некоторых его ближайших подчиненных, назначение на пост министра Сергея Шойгу в ноябре того же года и почти полная смена высшего руководящего состава военного ведомства — все эти события дают основания подвести хотя бы промежуточный итог очередной военной реформы России.

По имеющимся сведениям, она была начата директивными решениями правительства в конце августа 2008 г., а открыто об этом Сердюков объявил на коллегии Министерства обороны в октябре того же года¹. В качестве идеологии реформы в послании Федеральному собранию от 30 ноября 2010 г. президент Дмитрий Медведев провозгласил: «Современной России, безусловно, нужны и современная армия и флот, компактные и мобильные войска, которые укомплектованы новейшим оружием и высококлассными специалистами»². Общепринятым лозунгом времени стало придание «нового облика» Вооруженным силам (ВС).

Выступая на расширенной коллегии Министерства обороны в марте 2013 г., президент Владимир Путин подвел предварительные итоги четырех лет реформы и определил характер предстоящей работы: «Постоянных шараханий, бесконечных ревизий ранее принятых решений быть не должно. Тем более что сейчас мы выходим на тот этап, когда нужна именно тонкая шлифовка всех деталей сложной военной машины»³.

В настоящей работе авторы дают свою оценку результатов военного реформирования, особенно шагов, предпринятых после возвращения к высшей власти Владимира Путина в итоге выборов марта 2012 г. Рассматриваются текущее состояние военной политики и намеченные планы на будущее. На этой основе авторы предлагают анализ тех аспектов, в которых впредь нужна лишь «тонкая шлифовка», и тех, где все-таки требуется основательная «ревизия ранее принятых решений».

ГЛАВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ «РЕФОРМЫ СЕРДЮКОВА»

Некоторые авторитетные российские исследователи называли «реформу Сердюкова» самой большой за последние 150 лет — со времен царского военного министра Дмитрия Милютина 60-х годов XIX в.⁴ Хотя реформа так и не была цельно изложена в виде какого-либо официального документа (вроде «белой книги»), о ее замысле и ходе выполнения можно судить по заявлениям высших должностных лиц, комментариям журналистов и экспертов, утечкам информации в печать. Суммируя все эти сведения по степени важности, напомним основные составляющие замысла Министерства обороны, одобренные президентом и правительством в 2008—2012 гг.:

- Ликвидация кадрированных соединений ВС, превращение всех частей в силы постоянной боевой готовности, отказ от концепции массовой мобилизации личного состава и материальных запасов для войны, реорганизация системы подготовки резерва и хранения военных припасов и техники. Создавались базы хранения и ремонта вооружений и военной техники (БХиРВТ), прежде всего в Сибирском и Дальневосточном военных округах, к которым при необходимости может быть быстро переброшен личный состав.
- Грандиозная Государственная программа вооружения до 2020 г. (ГПВ-2020) и модернизации оборонной промышленности (в сумме свыше 23 трлн руб. до 2020 г., из которых более 19 трлн пойдет на вооружения и военную технику армии и флота). Намечено к 2015 г. иметь не менее 30%, а к 2020 г. не менее 70% новых вооружений и военной техники (ВиВТ). Повышение эффективности, обновление основных фондов и кадров оборонно-промышленного комплекса, переход на инновационные технологии.
- Сокращение численности Вооруженных сил до 1 млн человек к 2012 г.
- Изменение структуры личного состава, сокращение офицерского корпуса до 150 тыс. человек (с увольнением 185 тыс.), замена прапорщиков на сержантов (в целом поддержание контингента в 120 тыс. контрактников: сержантов и старшин), содержание 730 тыс. призывников со сроком службы 12 месяцев. (Впоследствии в этот план были внесены изменения: офицерский корпус был увеличен до 220 тыс. человек, а контрактный контингент рядовых, сержантов и старшин было намечено довести до 425 тыс. к 2017 г.)
- Радикальное сокращение количества частей и соединений ВС, гарнизонов, баз, военных городков, объектов, земельных угодий, недви-

жимости, материальных запасов, передислокация военных органов и заведений.

- Формирование вместо прежних шести военных округов (ВО) четырех укрупненных, являющихся одновременно объединенными стратегическими командованиями (ОСК): Западным, Южным, Центральным, Восточным. Отдельные рода войск — Космические войска, Ракетные войска стратегического назначения (РВСН), Воздушно-десантные войска (ВДВ) — сохранили центральное подчинение. В апреле 2011 г. было принято решение о создании Командования войск Воздушно-космической обороны (ВКО) на основе Космических войск.
- Переход Сухопутных войск (СВ) на трехзвенную структуру (оперативное командование — бригада — батальон) вместо прежней: ВО — армия — корпус — дивизия — полк (впоследствии звено армии было воссоздано). В целом СВ должны были состоять из 85 бригад включая 8 танковых, 36 мотострелковых, 9 ракетных и 12 артиллерийских, а также одной пулеметно-артиллерийской дивизии на Южных Курилах и 201-й мотострелковой дивизии в Таджикистане (обе были в 2011—2012 гг. преобразованы в бригады).
- Перевод Военно-воздушных сил (ВВС) на новую структуру: оперативное командование — авиабаза — эскадрилья, а также бригады воздушно-космической обороны в составе зенитно-ракетных и противоракетных частей (впоследствии часть бригад была передана Командованию ВКО). В общей сложности будет 7 оперативных командований, 55 авиабаз и 165 эскадрилий (по одному командованию в каждом из 4 ОСК, командования дальней авиации, военно-транспортной авиации и воздушно-космической обороны).
- Силы Военно-морского флота (ВМФ) по флотам (Северный и Балтийский; Черноморский и Каспийская Флотилия; Тихоокеанский флот) распределяются по трем ОСК (соответственно Западному, Южному и Восточному). На Северном и Тихоокеанском флотах создаются отдельные командования подводных сил, вместо нынешних 240 частей останется 123, кадрированные части тоже расформируются.
- Значительно увеличено количество учений войск и сил различного масштаба, в том числе с боевой стрельбой (например, в 2011 г. таких учений было 1700).
- Централизация системы подготовки кадров, вместо 65 военных академий и училищ решено оставить 10 военных вузов.
- Сокращение и реорганизация центрального аппарата управления включая Министерство обороны и Генеральный штаб (на 60%), резкое снижение роли главных штабов видов ВС в пользу ОСК.
- Коммерциализация и передача гражданским организациям системы тылового обеспечения и обслуживания войск.

- Значительное повышение военных пенсий и денежного довольствия военнослужащих (к 2020 г. предполагалось на 25% превысить среднюю зарплату на «гражданке»).
- На втором этапе реформы (видимо, к 2015 г.) планировались обеспечение всех офицеров и контрактников служебным жильем и всех увольняемых из рядов ВС гражданским жильем, переподготовка на гражданские специальности.

Подводя предварительные итоги, президент Медведев в послании Федеральному собранию в ноябре 2010 г. сказал: «Мы взяли курс на глубокую модернизацию Вооруженных Сил, на проведение в них системных, значимых преобразований. Уже обновлен боевой состав Вооруженных Сил, система боеготовности, управления и материально-технического обеспечения войск. Вновь регулярными и, что немаловажно, масштабными стали наши боевые учения. Сформированы четыре военных округа вместо шести. В рамках Госпрограммы вооружения до 20-го года войска оснащаются современной техникой»⁵. А в октябре 2010 г. министр обороны заявил: «Мы по существу уже завершили организационно-штатные мероприятия — первый этап реформирования российской армии». Также он сказал: «Мы... закончили формирование Объединенных стратегических командований военных округов»⁶.

Достоинства и недостатки концепции военного реформирования, неувязки ее стратегической логики, а также достижения, ошибки и издержки практического осуществления реформы были достаточно детально проанализированы специалистами Московского Центра Карнеги в прошлых публикациях⁷. В целом отмечалось, что многие направления реформирования были вполне обоснованны и давно назрели (в течение многих предшествовавших лет их предлагали независимые эксперты). Речь идет об отказе от концепции мобилизации и упразднении кадрированных соединений и частей, сокращении численности ВС и парков устаревшей военной техники, разукрупнении соединений и частей, переводе всех их в состояние постоянной готовности, создании ОСК вместо военных округов, улучшении боевой подготовки и технической оснащенности войск и сил, исправлении «перекосов» структуры личного состава и пр.

При этом указывалось, что в силу закрытости и кулуарности процесса принятия решений, передачи их выполнения полностью в руки военной бюрократии, отсутствия реального парламентского, экспертного и общественного контроля процесса реформирования как в концепции реформы, так и в ее практическом осуществлении было немало просчетов, нестыковок и больших издержек.

В то же время после отставки Сердюкова наиболее консервативные критики реформы предлагают восстановить устаревшие аспекты военной политики (увеличить срок службы по призыву, отойти от контракта, отказаться от объединенных стратегических командований в пользу

военных округов и командований видов ВС, вернуться к дивизионной структуре и пр.⁸).

Ниже представлены оценки авторов, относящиеся к самым важным проблемам такого рода и шагам политического и военного руководства, принятым в этой области с весны 2012 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА, ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Прежде всего, в упомянутой публикации речь шла о явных противоречиях между внешней и военной политикой России, хотя именно внешняя политика должна быть главным фактором определения военных потребностей государства — разумеется, с учетом имеющихся ресурсов и военно-технических возможностей.

ПРЕЗИДЕНТСТВО МЕДВЕДЕВА

В предыдущей работе авторов⁹ отмечалось, что внешняя политика России двадцать лет спустя после окончания холодной войны оставалась весьма противоречивой. Определяя магистральный вектор российских внешних приоритетов, президент Медведев в 2009 г. писал в своей программной статье: «Модернизация российской демократии, формирование новой экономики, на мой взгляд, возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества... Наши внутренние финансовые и технологические возможности сегодня недостаточны для реального подъема качества жизни»¹⁰.

Выступая на встрече с дипломатами в российском МИДе, он развил эту тему: «Нам нужны, я уже об этом говорил, специальные модернизационные альянсы с нашими основными международными партнерами. С кем? Прежде всего с такими странами, как Германия, Франция, Италия, с Евросоюзом в целом, с Соединенными Штатами Америки. Взятый на ростовском саммите “Россия — ЕС” курс партнерства для модернизации предлагает совместную разработку крупных проектов, включая технологическое перевооружение российской промышленности»¹¹.

В духе этой политики в 2010 г. Россия заключила с США новый Договор СНВ, выразила готовность участвовать в создании совместной

с США и НАТО системы ПРО в Европе, отменила поставку зенитно-ракетной системы С-300 Ирану. Россия обеспечивала военный транзит в Афганистан, приняла решение о закупках военной техники во Франции, Италии, Израиле, сотрудничала с Западом в освоении космоса и развитии передовых авиационных систем, участвовала в совместных военных учениях, миротворческих операциях, борьбе с терроризмом и пиратством. Были приняты меры для укрепления режима нераспространения ядерного оружия (ЯО). Подошли к концу многолетние переговоры о вступлении России в ВТО (их формальный финал имел место уже при следующем президенте).

Что касается военной политики России, то она в большой степени существовала как бы независимо от международного курса государства. Более того, оборонные приоритеты страны были противоположны внешнеполитическим. «Военная доктрина Российской Федерации», подписанная президентом Медведевым в том же 2010 г., определяла приоритетность внешних опасностей следующим образом: а) стремление наделять силовой потенциал НАТО глобальными функциями, приблизить военную инфраструктуру Альянса к границам России путем расширения блока; б) попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах; в) развертывание воинских контингентов иностранных государств на территориях, сопредельных с Россией и ее союзниками; г) создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия¹².

Понятно, что все приоритетные опасности исходили от США и их союзников. А «распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий» и «распространение международного терроризма», которые предполагали сотрудничество с Западом, находились лишь на шестом и десятом местах соответственно¹³.

По поводу характера вероятных будущих войн «Военная доктрина...» гласила: «Военные конфликты будут отличаться скоротечностью, избирательностью и высокой степенью поражения объектов, быстротой маневра войсками (силами) и огнем, применением различных мобильных группировок войск (сил). Овладение стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного и военного управления, обеспечение превосходства на земле, море и в воздушно-космическом пространстве станут решающими факторами достижения поставленных целей»¹⁴. Очевидно, что речь шла не о борьбе с терроризмом или радикальными режимами, а именно о войне с США и их союзниками.

В числе основных военно-политических задач России значилось «поддержание стратегической стабильности и потенциала ядерного

сдерживания на достаточном уровне»¹⁵. Другой важнейшей задачей было «обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения»¹⁶.

Не ставя под сомнение необходимость поддержания достаточного потенциала ядерного сдерживания и обеспечения целесообразной оборонительной системы территории страны и важнейших объектов, следует подчеркнуть явное несоответствие общей направленности военной и внешней политики главной концепции экономического развития страны. Оно выражалось в том, что главные приоритеты российской обороны и военной реформы — ядерное сдерживание и защита от воздушно-космического нападения — были по сути направлены против тех стран, с которыми Россия должна была создавать, по словам президента Медведева, «специальные модернизационные альянсы», которых рассчитывала привлечь к «технологическому перевооружению российской промышленности»¹⁷. С ними на ростовском саммите Россия-ЕС 2010 г. был взят курс «Партнерства для модернизации».

Подобные противоречия между внешнеполитическими и военными приоритетами России могли свидетельствовать о недостаточном контроле политического руководства над военными ведомствами в разработке военной доктрины как важной части оборонной политики. Другое возможное объяснение заключалось в том, что внешнеполитические либо военные концепции воспринимались не всерьез и расценивались как риторика или теоретические упражнения, а не руководство к практическим действиям. Наконец, эти противоречия могли свидетельствовать о расхождении взглядов разных политических группировок правящей элиты и рассогласованности позиций государственных ведомств. Впрочем, не исключено, что все три версии соответствовали действительности одновременно.

Так или иначе, после нового Договора СНВ переговоры России с США зашли в глухой тупик из-за разногласий по противоракетной обороне. Потерпев неудачу в согласовании совместной программы ПРО, обе стороны приступили к разработке и развертыванию собственных систем обороны национальной территории (и союзников), а президент Медведев к тому же объявил ряд ответных мер в развитии наступательных вооружений.

Практические итоги президентства Медведева стали разочарованием как во внутренней, так и во внешней политике — особенно в сопоставлении с его речами и статьями. Выдвижение Владимира Путина кандидатом на президентских выборах 2012 г. ознаменовало очередной рубеж в российских внутренних делах и международном курсе.

ПРЕДЫСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ

После четырех лет преимущественно гармоничного взаимодействия с Медведевым Запад встретил возвращение Владимира Путина на высший государственный пост весьма негативно. Конечно, это не было для Кремля неожиданностью, ведь отношения Путина с США и их союзниками начались не с чистого листа и имели долгую предысторию.

Впервые придя к власти в 2000 г., Путин, по всей видимости, действительно стремился наладить хорошие отношения с США, Западной Европой, Японией, но не на основе модели 1990-х годов, а на равноправных началах. При этом он не считал, что строительство управляемой демократии, исполнительной вертикали и подавление мятежной Чечни этому помеха. Новому руководству сопутствовало везение — беспрецедентный рост цен на нефть и, соответственно, доходов государственного бюджета позволил расплатиться с внешним долгом СССР и России, избавиться от зависимости от кредитов Всемирного банка и Международного валютного фонда, которые политически связывали руки Москвы в 1990-е годы. Заметно повысился уровень жизни народа.

В 2000 г. новое руководство воспользовалось контролем над парламентом и добилось ратификации Договора СНВ-2, который на протяжении предыдущих семи лет блокировали в Госдуме крупные фракции коммунистов, националистов и их попутчиков. Другим крупным шагом навстречу Западу была ратификация в 2004 г. Адаптированного договора по обычным вооруженным силам в Европе. После выхода США из Договора по ПРО в 2002 г. российская исполнительная власть постаралась умерить возмущение в политических кругах страны. Но не только — администрация Путина пошла дальше: был заключен новый договор с США — о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП)¹⁸. Также была подписана «Декларация о новых стратегических отношениях», которая предусматривала в том числе сотрудничество в развитии систем ПРО.

Договор СНП был ратифицирован обеими сторонами, но остался по сути соглашением о намерениях, поскольку сторонам так и не удалось договориться о правилах засчета и системе контроля за выполнением сокращений. (Впрочем, заключенный в 2010 г. новый Договор СНВ практически основывался на уровнях Договора СНП и легализовал их через специфические правила засчета.) Такие шаги, едва ли возможные с прежней Госдумой, в известном смысле могли расцениваться как демонстрация преимуществ управляемой демократии для отношений России с Западом.

После террористических актов в США 11 сентября 2001 г. президент России вопреки настрою большей части политической элиты оказал полную и безоговорочную поддержку военной операции в Афганиста-

не, а затем предоставил странам НАТО «афганский транзит». По поводу расширения НАТО на восток он в 2001 г. заявил: «Конечно, мы пересмотрели бы нашу позицию в отношении процесса такого расширения, если бы мы были вовлечены в такой процесс»¹⁹. На Петербургском саммите Россия-ЕС в мае 2003 г. Путин провозгласил императив «европейского выбора России».

В ответ на все эти авансы и встречные шаги Россия получила в 2002—2003 гг. выход США из Договора по ПРО, войну в Ираке (и ликвидацию там крупнейших российских нефтяных концессий), новый шаг в расширении НАТО на восток с включением в Альянс семи государств, в том числе трех постсоветских стран Балтии. При проведении операции в Афганистане, несмотря на огромное содействие со стороны Москвы, НАТО упорно отказывалась признать Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в качестве легитимного партнера, чтобы не легализовать доминирование России на постсоветском пространстве. (В ином случае, видимо, можно было бы пойти гораздо дальше в военном сотрудничестве НАТО и стран ОДКБ в этом регионе.)

Последней каплей явилось вмешательство Запада в «цветные» революции в Грузии и на Украине и активное втягивание этих стран в Североатлантический альянс. Также США объявили о планах строительства объектов американской стратегической ПРО в Польше и Чехии — вопреки соглашению о совместной ПРО.

Речь Путина в Мюнхене в 2007 г. стала сигналом Западу о том, что Россия больше не намерена играть по старым правилам, не будет навязываться в качестве партнера, если ее не принимают на равноправных условиях, и станет искать других союзников. Однако потребовался вооруженный конфликт в Грузии в августе 2008 г., чтобы на Западе поняли, что Россия действительно намерена остановить расширение НАТО на восток. До того все предупреждения не принимались всерьез ни в США, ни в столицах НАТО — только применение военной силы произвело впечатление, что открыто признали на Западе. И в Москве этот урок тоже усвоили.

Весьма знаменательно, что при нынешнем, отнюдь не благоприятном отношении к Путину об этой недавней истории отношений на Западе никогда не вспоминают и тем более своих ошибок не признают.

ТРЕТИЙ СРОК ПУТИНА

Вернувшись в третий раз в Кремль в 2012 г., Путин, вероятно, ожидал холодной встречи со стороны Запада. Но, как всегда бывает в России, неожиданность пришла с другой стороны.

Новый средний класс, возникший в условиях экономического роста «нулевого десятилетия», интеллигенция, активные слои средних и мел-

ких предпринимателей, городская молодежь в массовом порядке выступили против возвращения Путина. В этом движении не было единства, программы, руководящего центра, но оно породило искренний страх правящих кругов перед вероятностью социального взрыва.

США и страны Европы поддержали протестное движение, даже закрыв глаза на его левацкие и националистические эшелоны. Эта поддержка не играла сколько-нибудь существенной роли и не имела бы вообще никакого значения, если бы внутри страны не возникла питательная для протеста политическая среда — недовольство всеобъемлющей коррупцией, произволом правоохранительных органов, несменяемостью новой номенклатуры всех уровней.

Реальная, а не декоративная оппозиция вполне закономерно вызвала реакцию нового правящего класса, основанную на самом сильном мотиве — инстинкте самосохранения. Прежде всего это проявилось в ужесточении управляемой демократии с упором на первую составляющую этой формулы (уголовные дела против активистов протестного движения, пакет антидемократических законодательных актов парламента). Кроме того, в духе возврата к «традиционным ценностям» в парламенте, в лояльных средствах массовой информации и продукции многочисленных псевдонаучных центров была развернута истерическая, густо замешанная на национализме и религиозном фанатизме кампания, посвященная «враждебному окружению России», «зловещим замыслам сионистов, либералов и пятой колонны»²⁰. Параллельно набрала размах ползучая реабилитация сталинизма как воплощения величия и державности России.

На смену «европейскому выбору» пришла официальная доктрина «евразийства» в виде проекта Евразийского союза. Она предполагает первоочередную интеграцию России с постсоветскими республиками, прежде всего с Беларуссией и Казахстаном, желательно — с Украиной и всеми другими странами, которые захотят участвовать (Киргизией, Таджикистаном).

Для перехода с экспортно-сырьевой на высокотехнологическую инновационную модель развития был выдвинут лозунг опоры на собственные силы — «реиндустриализации» с локомотивом в виде «оборонки» и даже, ни много ни мало, с использованием «положительного опыта» СССР 1930-х годов (которые запомнились прежде всего массовыми репрессиями, сталинскими пятилетками на базе ГУЛАГа, грабительской коллективизацией, мобилизацией для новой войны).

Вне постсоветского пространства Москва, по всей видимости, взяла курс как минимум на дистанцирование от США и ряда их союзников в Европе. Вероятно, была принята предпосылка, что сближение с Западом, включая «Партнерство для модернизации», повлечет размывание управляемой демократии и сложившейся системы власти.

Отношения России с Западом вступили в самый трудный период после окончания холодной войны двадцать лет назад. Никто из ответственных чиновников и депутатов более не осмеливается вспомнить о «европейском выборе» России, о котором заявил Путин на саммите Россия-ЕС в 2003 г., и тем более о «Партнерстве ради модернизации», которое провозгласил Медведев на саммите Россия-ЕС в 2010 г.

Фактически парализована система европейской безопасности, многолетний и беспросветный тупик наблюдается в переговорах России с Евросоюзом относительно нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Вновь обострились противоречия между Российской Федерацией и США/НАТО на Ближнем и Среднем Востоке.

Наступила глубокая стагнация системы и процесса ограничения и сокращения ядерных и обычных вооружений. Распался Договор об обычных вооружениях в Европе, и замены ему не предвидится. Противоречия России и США вокруг систем ПРО, ограничения тактического ядерного оружия и стратегических вооружений в обычном оснащении могут добить остатки системы ядерного разоружения включая Договор о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 г. и новый Договор СНВ. Расшатываются Договор о нераспространении ядерного оружия и режим ядерного нераспространения, поскольку великие державы не могут согласовать политику в отношении Ирана. Стороны оказались на пороге гонки вооружений по новейшим направлениям военных технологий.

Конечно, вина за это лежит не только на России, а зачастую вовсе не на ней. США и их союзники совершили большой стратегический просчет в их отношении к «арабской весне»: вопреки наивным надеждам на исламскую демократию эти революции везде привели к власти исламских фундаменталистов или обратили целые регионы Северной Африки и Ближнего Востока в зону гражданских войн и терроризма. Избирательное и основанное на двойных стандартах вмешательство США и их союзников в Ливии, Бахрейне, Сирии раскололо великие державы и парализовало Совет Безопасности ООН в деле урегулирования конфликтов в регионе.

В диалоге с Москвой по ПРО Вашингтон не проявил достаточной гибкости и понимания того, что единство с Россией по проблемам ядерного и ракетного распространения намного важнее в борьбе с этой угрозой, чем те или иные технико-географические параметры программы ПРО. Отмена в 2013 г. четвертого этапа развертывания этой системы в Европе, который больше всего беспокоил Москву, был воспринят там как недостаточный шаг по учету ее озабоченностей. США инициируют все новые военно-технические проекты (вроде высокоточных стратегических вооружений в обычном снаряжении, суборбитальных ударных систем), не заботясь о договорно-правовых мерах, которые могли бы снять обеспокоенность России.

Тем не менее при всех конкретных претензиях, которые могут быть высказаны в адрес курса США и их союзников, ничто в их политике не дает России основания для возврата к менталитету осажденной крепости и холодной войны. Однако тенденция такого рода стала за последний год весьма осязаемой.

Противоречие между внешней и военной политикой времен Медведева, о которой речь шла выше, ныне почти полностью разрешилось, но, к сожалению, путем приведения первой в согласие со второй, а не наоборот.

Опубликованная в феврале 2013 г. «Концепция внешней политики Российской Федерации» дала этому ряд подтверждений. В ней в разных формулировках повторяется тезис об опасности и недопустимости внешнего вмешательства во внутренние дела России через поддержку протестных движений, правозащитных организаций и санкции против чиновников²¹.

В разделе об отношениях с Западом лишь однажды и вскользь упоминается краеугольная концепция президента Медведева — «Партнерство для модернизации», да и то лишь в контексте развития «взаимовыгодного энергетического сотрудничества» (т. е. грандиозная идея «переворужения российской промышленности» свелась к зарубежным поставкам нового оборудования для экспортно-сырьевого комплекса)²².

Что касается разоружения, то сказано, что Россия будет участвовать в заключении новых договоренностей, «отвечающих ее национальным интересам и учитывающих все без исключения факторы, влияющие на стратегическую стабильность, на основе принципов равноправия и неделимости безопасности»²³. Далее уточняется, что Россия поддерживает контроль над вооружениями «...с учетом неразрывной взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными средствами, императивности придания процессу ядерного разоружения многостороннего характера, исходит из того, что переговоры о дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений возможны только с учетом всех без исключения факторов, влияющих на глобальную стратегическую стабильность. В связи с созданием глобальной системы противоракетной обороны США Россия будет последовательно добиваться предоставления правовых гарантий ее ненаправленности против российских сил ядерного сдерживания»²⁴.

Все эти критерии сколь теоретически справедливы, столь же аморфны и субъективны, допуская широкую свободу интерпретаций. Повторяющийся в этом и других внешнеполитических документах рефрен об учете «всех без исключения факторов» скорее всего отражает скептическое отношение к предложениям США продолжать процесс сокращения вооружений. Как показал опыт сорока лет переговоров, прогресс в этой сфере возможен лишь при максимальном сужении их

предмета и учете только самых главных проблем, по которым стороны могут найти согласие.

ПОДХОД К ОБОРОНЕ И БЕЗОПАСНОСТИ

Еще в ходе предвыборной кампании кандидат в президенты от партии власти встретился в феврале 2012 г. с военными экспертами в Сарове. Там он выразил свое отношение к ядерному оружию и угрозам безопасности: «У нас есть огромная территория, колоссальная, нам нужно обеспечить абсолютную ее защиту так, чтобы никакого желания ни у кого не было даже сюда сунуться. И вот эти разговоры о том, что глобальные ресурсы не должны принадлежать одной стране, — чтобы забыли просто об этом, на эту тему вообще разговаривать»²⁵. Из этого положения вытекает отправная предпосылка: на территорию и ресурсы России посягают другие страны, абсолютной гарантией суверенитета служит только неоспоримая военная мощь. Приоритетом этой мощи является ядерный потенциал: «Силы ядерного сдерживания и ракетная техника — у нас абсолютный приоритет, и мы загрузили эту программу полностью, просто целиком, вот все 100%, как Генштаб запросил, все мы так и сделали»²⁶, — подчеркнул Путин.

Из подхода к ядерному сдерживанию логически вытекает взгляд на сокращение ядерных вооружений. «Мы не будем разоружаться в одностороннем порядке... Что касается дальнейших шагов в сфере ядерного вооружения, дальнейшие шаги должны носить уже комплексный характер, и в ходе этого процесса должны принимать участие уже все ядерные державы. Мы не можем бесконечно разоружаться на фоне того, что какие-то другие ядерные державы вооружаются. Исключено!» — заявил кандидат в президенты²⁷.

Примерно в то же время в своей программной статье по военной политике Путин подчеркнул: «Мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегического сдерживания и будем его укреплять. Именно он помог нам сохранить государственный суверенитет в сложнейший период 90-х годов»²⁸.

Ядерный потенциал, безусловно, имел и сохраняет большое значение для безопасности России. Но абсолютизация его роли едва ли оправданна. Не следует забывать, что Советский Союз тоже всецело полагался на военную мощь и ядерное сдерживание, но пришел к краху вследствие экономического коллапса и политического паралича. СССР утратил глобальную империю, суверенитет и территориальную целостность, имея при этом в шесть-семь раз больше ядерного оружия, чем Россия, и гораздо меньшее качественное военно-техническое отставание от США.

К тому же суверенитет Москвы в 1990-е годы был весьма условным, но не из-за недостатка военной мощи, а по причине ее огромной кредитной и экономической зависимости от Запада. Доставшийся ей в наследство ядерный потенциал внушал большое беспокойство за рубежом, прежде всего в смысле его сохранности и поддержания над ним централизованного контроля. Для обеспечения этих нужд США и другие страны Запада оказывали России большую финансовую и техническую помощь (например, по программе Нанна — Лугара), а также политическую поддержку (в переговорах с Украиной и Казахстаном о передаче имевшегося на их территории ядерного оружия России). Большую роль в обеспечении безопасности страны помимо ядерного сдерживания играли окончание холодной войны и глобального противостояния, развитие сотрудничества России и Запада в политической, экономической и военной областях, а также в сфере ограничения вооружений. Об этом в упомянутой статье не сказано ни слова.

Безусловно, приведенные заявления и тезисы не были принципиально новым подходом, в той или иной форме они высказывались и при Медведеве, и во время первых двух президентских сроков Путина. К тому же их можно трактовать по-разному, с различной мерой жесткости и безусловности, а некоторые созвучны официальным позициям США и их ядерных союзников.

Однако не вызывает сомнения общий пафос линии на наращивание военной мощи, придание большего значения ядерному оружию, скептический подход к взаимному ограничению вооружений. Эта смена курса особенно бросается в глаза, если сравнить приведенные пассажи с высказыванием предыдущего президента всего тремя годами раньше: «Мой недавний визит в Соединенные Штаты, кстати, показал, что <...> нас объединяет осознание того, что основу национальной безопасности составляет устойчивое и поступательное развитие. Полностью совпадает с нашим и комплексный подход к обеспечению безопасности, исходящий из понимания того, что военная сила имеет ограниченные возможности»²⁹.

Тем более контрастно выглядит эта линия при сопоставлении с идеями о необходимости двигаться путем ядерного разоружения, высказанными в известных статьях четырех авторитетных американских политиков³⁰, которые были развиты и дополнены в ответной статье четырех известных российских деятелей³¹, а затем нашли отклик в публикациях самых уважаемых представителей многих ведущих стран мира.

В самом общем виде и с немалой долей упрощения нынешнюю внешнеполитическую философию, присутствующую в речах и статьях многих представителей исполнительной власти и правящей партии парламента, можно выразить в следующих тезисах:

- Россию окружают недоброжелатели, особенно в лице США и ряда их союзников.

- Они покушаются на территориальную целостность и природные ресурсы России.
- Они стремятся расшатать ее политическую стабильность через протестные движения и правозащитные организации, применяют санкции к должностным лицам, отменяя им визы и арестовывая зарубежные счета и собственность.
- Россия более не рассчитывает на «Партнерство для модернизации» и отменяет свой «европейский выбор». Она будет опираться на концепцию «евразийства» и рассчитывать на собственные силы: реиндустриализацию — с гособоронзаказом и военной промышленностью в качестве локомотива экономического роста.
- Во внешних связях главное место принадлежит Евразийскому союзу и сотрудничеству в рамках БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества.
- США и НАТО неуклонно наращивают военную мощь для политического давления на Россию, а при определенных обстоятельствах — и для нанесения воздушно-космического удара.
- Ядерное оружие — высший приоритет российской обороны и безопасности, абсолютная гарантия ее суверенитета, территориальной целостности и мирового статуса.
- США и их союзники стремятся нейтрализовать этот главный компонент российской обороны за счет всемерного развития систем ПРО и стратегических высокоточных обычных вооружений включая гиперзвуковые, ракетно-планирующие и космические системы оружия.
- Призывы к ядерному разоружению — это уловка, направленная на ослабление центральной опоры безопасности России.
- Россия не пойдет на дальнейшее сокращения стратегического и тактического ядерного оружия (ЯО) — во всяком случае до тех пор, пока не догонит другие страны в развитии высокоточных обычных наступательных и оборонительных вооружений, и оставляет за собой право выйти из существующих договоров по разоружению (Договор по РСМД, новый Договор СНВ).

ВОЕННАЯ ИСТЕРИЯ

Почувствовав смену направления ветров на вершине государственной власти, множество находящихся на службе и отставных российских военных и гражданских стратегов развернули настоящую милитаристскую истерию с нагнетанием страхов перед грядущей агрессией Запада. В последнее время, как будто холодная война не кончилась два десятилетия назад, вал литературы и программ такого рода захлестнул печатные и электронные СМИ.

Эти круги по-прежнему, как и в предыдущие пятьдесят лет, грезят большими войнами с США и их союзниками на суше и на море, в воздушном и космическом пространстве, с применением обычного, ядерного и других видов оружия. Вот, например, что пишет патриарх отечественной военной мысли генерал армии Махмуд Гареев: «Очевидно, что первоочередным остается стремление мировых держав к установлению контроля над энергетическими ресурсами, в том числе и России... Цель — лишить Россию доходов от производства и продажи газа и нефти, поставить ее перед угрозой социально-экономического обвала... При современном характере вооруженной борьбы центр ее тяжести и основные усилия переносятся в воздушно-космическое пространство. Ведущие государства мира делают ставку на завоевание господства в воздухе и в космосе путем проведения в самом начале войны воздушно-космических операций с нанесением ударов по стратегическим и жизненно важным объектам по всей стране»³².

В пользу своих предпосылок о намерениях «мировых держав» генерал армии не приводит ни единого факта или довода: очевидно, и точка! На самом деле, вместо того чтобы зариться на российские углеводороды, Запад, к ужасу российских экспортеров, интенсивно осваивает сланцевый газ и нефть, внедряет энергосберегающие технологии.

Еще один пример — материалы часто публикующегося военного специалиста полковника Константина Сивкова, который, исходя из тех же предпосылок, утверждает: «Возможность начала мировой войны сегодня непрерывно нарастает в связи с углублением глобального кризиса, разрешить который можно, только изменив всю систему мирового устройства»³³. Но вопреки этой идее, стремясь выйти из кризиса, США и НАТО не наращивают, а существенно снижают военные расходы включая ассигнования на новейшие системы ПРО и ракетно-гиперзвуковые наступательные средства «Быстрого глобального удара». Это была бы весьма оригинальная стратегия для альянса, замышляющего большую войну.

Но всех затмил председатель Комитета по обороне Госдумы адмирал Владимир Комоедов, заявивший на конференции в Культурном центре Вооруженных сил 14 февраля 2013 г.: «Внешние военные угрозы России становятся все более реальными и ощутимыми. <...> Основной силой, способной создать угрозу нашей стране, остается Североатлантический союз во главе с США. <...> Возможность США по применению сил с океанских и морских направлений охватывает около 80 процентов территории восточной и европейской части России. Они способны разрушить 60 процентов российского ОПК. На нас могут обрушиться около пяти тысяч ракет морского и воздушного базирования. Основная часть удара (вместе с европейским компонентом ПРО) направлена на наши межконтинентальные баллистические ракеты, которые явля-

ются основой боеспособности СЯС России, а также командные пункты округов и флотов»³⁴.

Если речь идет о ядерном нападении, то как могут США не считаться с вероятностью ядерного возмездия, которая служила в качестве фактора сдерживания последние полвека включая даже «лихие 90-е»? Если адмирал имеет в виду обычные крылатые ракеты, то где гарантия, что на их массированное применение (по техническим причинам растянутое по времени и менее эффективное, чем ядерное нападение) не последует ответно-встречный удар стратегических сил России? И почему эти средства агрессии США не решаются использовать даже против Северной Кореи и Ирана, получив горький урок итогов военных операций в Ираке, Афганистане и Ливии?

Беспочвенность подобных теорий не делает их менее вредными. Ведь генерал и его соратники пользуются авторитетом в военных кругах, по их трудам учатся офицеры в училищах и академиях. Хуже того, идея о том, что Запад хочет захватить российские углеводороды или выйти из глобального кризиса за счет новой войны, получила распространение среди российской правящей элиты и даже в Академии наук.

Это особенно парадоксально сейчас, поскольку в США после тяжелой борьбы на выборах 2012 г. на второй срок пришел президент Барак Обама — самый лучший со времен Франклина Рузвельта американский лидер с точки зрения развития отношений с Россией. Военный баланс действительно все еще меняется не в пользу России. Однако парадокс состоит в том, что это происходит без форсированного наращивания военной мощи США и их союзников, со стороны которых Москва официально усматривает главные угрозы безопасности. НАТО заметно сокращает свои военные расходы, совокупные ядерные и обычные вооруженные силы³⁵. Это вряд ли было бы возможно, если бы Альянс всерьез готовил агрессию против России, воспользовавшись ее военным отставанием³⁶. Стратегические ядерные силы (СЯС) США за двадцать лет сократились примерно в 5—6 раз, а тактические ядерные средства были уменьшены в 15—20 раз. Идет передислокация американских стратегических вооружений и сил общего назначения в Азиатско-Тихоокеанский регион в предвидении соперничества с Китаем, что выразилось и в коррекции программы ПРО в 2013 г. (отмена четвертого этапа ее развертывания в Европе и дополнительное наращивание в Азиатско-Тихоокеанском регионе).

Представляется, что ощущение растущей военной угрозы в России во многом обусловлено наследием упадка ее обороноспособности при сокращении в несколько раз военного бюджета в 1990-е годы, а также крупными ошибками военной реформы после 2000 г., несмотря на почти десятикратное увеличение военных расходов (со 190 млрд руб. в 2000 г. до 1860 млрд в 2012 г.³⁷).

Впрочем, кампания, посвященная угрозе ракетно-космических войн, имеет вполне приземленные объяснения. Ведь пророчества о таких войнах основаны на предпосылке имманентной вражды не с талибами и даже не с Грузией, а с США и НАТО. Кроме того, за подготовкой к таким войнам стоят огромные ассигнования. А в случае провала не придется нести ответственность, ведь такая война, скорее всего, не случится, а если все-таки произойдет — некому и не с кого будет спрашивать.

РЕАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ

Безусловно, минимально достаточный потенциал сдерживания России необходим в качестве «страхового полиса» безопасности, пока существует ядерное оружие и не придумано более позитивной доктрины его использования в военно-политических целях. Также и оборонительные системы могут быть востребованы, особенно в свете распространения оружия массового уничтожения и его ракетных и аэродинамических носителей, угрозы попадания их в руки безответственных режимов и террористов. Однако ставить эти концепции и системы оружия во главу угла стратегических отношений России со странами Запада едва ли обоснованно двадцать лет спустя после окончания холодной войны.

Вот уже несколько десятилетий — как во времена СССР³⁸, так и в новой России — военные доктрины и творения многих стратегических теоретиков повторяют тезисы о будущих войнах глобального масштаба. Но в реальной жизни все оказывается не так, как в богатом воображении пророков воздушно-космических войн. За прошедшие без малого семьдесят лет советскому и российскому офицеру и солдату пришлось участвовать совершенно в других войнах и операциях в Европе, Азии и Африке, на постсоветском пространстве и в самой России: на локальном уровне подавлять внутреннюю мирную и вооруженную оппозицию, помогать союзникам и партнерам среди развивающихся стран, проводить миротворческие и спасательные операции. Нет никаких реальных оснований полагать, что в последующие двадцать лет ситуация резко изменится — во всяком случае, в пользу этого не приводится ни одного конкретного довода, кроме тезиса об «имманентной враждебности Запада к России» и набора выдуманных цитат, якобы принадлежащих зарубежным деятелям.

Уход миротворческих сил ООН и контингента НАТО из Афганистана после 2014 г. скорее всего повлечет реванш «Талибана» и захват им власти с последующим наступлением на Центральную Азию на севере и Пакистан на юге. Режимы Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, а затем и Казахстана окажутся под ударом исламистов, и России при-

дется вступить в новую продолжительную борьбу против воинственного мусульманского фундаментализма. Такая война наряду с возможной дестабилизацией Пакистана с последующим вовлечением Индии превратит всю зону Центральной и Южной Азии в «черную дыру» насилия и терроризма. Эта зона расширится, если сожмется с войной внутри и вокруг Ирака и столкновением Израиля с Ираном, а также хаосом в Сирии и соседних арабских государствах. Не исключен новый конфликт на Южном Кавказе, который перекинется на Северный Кавказ.

В ближне- и среднесрочной перспективе дестабилизация Южной и Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Южного и Северного Кавказа — самая большая реальная военная угроза России в отличие от мифов, порожденных политическими, ведомственными и корпоративными интересами.

Конечно, желательно, чтобы в борьбе с этой угрозой Россия опиралась на сотрудничество с США, другими странами НАТО, Индией и Китаем. Однако в свете последних трений между великими державами это выглядит не очень вероятным. России нужно готовиться к опоре на собственные силы, и потому оптимальное распределение ресурсов становится вопросом национального выживания.

Причем в этой угрозе сочетается внутренний организованный вооруженный экстремизм с опорой на прямую военную помощь извне, да еще, возможно, под ракетно-ядерным прикрытием со стороны радикальных режимов, обзаводящихся таким оружием. Не следует забывать о фанатизме этого врага, его готовности к бесконечной войне, его людских ресурсах и финансовых резервах, позволяющих не считаться с жертвами (а среди гражданского населения потери всячески провоцируются). Пользуясь обширным мировым рынком оружия и военной техники, он способен использовать новейшие технические средства борьбы с армиями ведущих держав.

Все это предъявляет высочайшие требования к уровню подготовки и оснащенности вооруженных сил передовых государств. Они обязаны побеждать быстро и не могут позволить себе слишком большие боевые потери и сопутствующий ущерб для мирных жителей в зоне военных действий. Пока СССР в Афганистане, Россия на Северном Кавказе и в Центральной Азии, США и НАТО в Ираке и Афганистане потерпели поражение или, во всяком случае, не сумели добиться решительной победы.

Тем не менее угроза с юга стоит далеко внизу списка приоритетов российской оборонной политики. Потому, похоже, к реальной угрозе Россия, как нередко бывало в ее истории, не готова ни в военном, ни в политическом отношении, отдавая приоритет подготовке к войне с США и НАТО на суше, на море и в воздушно-комическом пространстве.

НЕОБХОДИМ ПЕРЕСМОТР ПРИОРИТЕТОВ

В условиях реально формирующейся полицентричной миросистемы и глобализации, а также при наличии ядерных сил России не грозит прямая военная агрессия со стороны других крупных государств или международная изоляция. Однако Россия стоит перед лицом тревожной перспективы своей маргинализации в мировой экономике и политике, увеличения зависимости от поведения проблемных стран, вовлеченности в изнурительные конфликты по периметру границ и нарастающей стагнации в социально-экономическом, политическом развитии и обороноспособности. Есть опасность распространения конфликтности и вооруженного экстремизма в ряде российских регионов.

Международное влияние в XXI в. будет в первую очередь определяться экономическим и научным потенциалом страны на основе высокотехнологической экономики, мерой и качеством участия в мировой торговле — особенно позициями в инновационных отраслях, объемом зарубежных инвестиций, ролью в международных экономических и финансовых институтах. И только при этих условиях военная сила (причем тоже основанная на высоких технологиях и профессионализме личного состава) может вносить свой вклад в статус и роль державы в мире.

Чтобы удержаться в лиге передовых технико-экономических держав и обеспечить безопасность на базе устойчивого развития, России необходимо встать на принципиально иной путь — глубокой трансформации собственной экономики и структуры экспорта на основе внедрения высоких технологий. Однако это не получится ни за счет подачек оборонной промышленности, ни путем создания государственно-монополистических корпораций или образцово-показательных центров вроде «Сколкова».

Рано или поздно страны Запада выйдут из кризиса, но мировые цены на энергоносители никогда не вернуться к предкризисному уровню из-за целенаправленной политики основных импортеров по подавлению спекулятивных финансовых операций на энергетическом рынке, внедрению энергосберегающих технологий и разработке сланцевых нефти и газа и поиску альтернативных источников энергии.

Грядущее неизбежное падение нефтегазовых доходов России не может быть восполнено экспортом другого сырья, оружия, ядерных технологий и материалов. Нынешняя политика переориентации российского энергетического экспорта на Азию сделает Россию сырьевым придатком Китая, Индии и других новых индустриальных стран, экономика которых, в свою очередь, является приложением к инновационным экономикам США, Евросоюза и Японии.

В силу географического положения существуют большие интересы российской экономики и безопасности в Азии. Но при нынешней эконо-

мической и политической системе России не удастся привлечь в Сибирь и на Дальний Восток капиталовложения и высокие технологии, как это не получалось и до сих пор. В данную часть России придет, пожалуй, только Китай, который рассматривает ее как естественную зону демографической экспансии и хищнической добычи сырья для своей промышленности, подвергая ее растущему экологическому загрязнению (как, впрочем, и собственную страну).

Переход от экспортно-сырьевого хозяйства к экономике высоких технологий требует последовательного строительства демократии европейского типа с разумным разделением властей, независимыми судом и арбитражем, динамичным гражданским обществом. Только они способны гарантировать верховенство закона для всех, неприкосновенность материальной и интеллектуальной собственности, приток (и возврат) инвестиций и инновационных технологий отечественного и зарубежного происхождения.

Осознание этого императива есть и на высшем уровне власти. Так, президент Путин в послании Федеральному собранию 2012 г. заявил: «Для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии. При этом хочу сказать и даже подчеркнуть: мы разделяем именно универсальные демократические принципы, принятые во всем мире. <...> Демократия — это возможность не только выбирать власть, но и постоянно эту власть контролировать». Что касается экономического развития, то и тут президент вполне недвусмысленно декларировал: «Убежден, в центре новой модели роста должна быть экономическая свобода, частная собственность и конкуренция, современная рыночная экономика, а не государственный капитализм»³⁹.

Претворить эти правильные, хотя и не новые концепции в жизнь будет нелегко. Однако практическое продвижение по такому направлению непременно очень быстро придаст другой рисунок и внешней политике России.

Динамичная инновационная экономика станет естественным и надежным фундаментом ведущей роли России на постсоветском пространстве как центра экономического, политического и военного притяжения для других бывших республик СССР.

Точно так же, чтобы стать действительно влиятельным субъектом Азиатско-Тихоокеанского региона, куда перемещается центр мировой экономической и военно-политической активности, России необходима модернизация всей социально-экономической и политической системы, причем не на мифическом «евразийском», а на европейском пути развития — и в европейской, и в азиатской частях страны.

Такой курс предполагает широкое взаимодействие с передовыми демократическими странами: Евросоюзом, США, Японией, Южной Кореей. Это вовсе не исключает сотрудничества с евразийскими партнерами

или с Китаем и Индией (с которыми, кстати, Запад имеет гораздо более продвинутое экономическое взаимодействие, чем Россия), но предполагает перевод его на качественно более высокий уровень, чем в настоящее время.

Укрепление международной безопасности и сотрудничество с ведущими державами мира и их союзами требует прогресса в сфере сокращения и ограничения ядерных вооружений, укрепления режима их нераспространения, согласования и, возможно, сопряжения программ ПРО, мер ограничения и доверия применительно к новейшим наступательным неядерным вооружениям, запрещения космического оружия, возрождения режимов ограничения обычных вооруженных сил в Европе и других регионах.

Что касается приоритетов военной политики, то их подсказывает практический опыт последних десятилетий и реалистический прогноз на будущее. Как отмечалось выше, главная ближайшая угроза связана с вероятностью дестабилизации Южной и Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Южного и Северного Кавказа. В долгосрочном плане проблему представляет зона российской восточной границы, где нельзя исключать вероятность роста угрозы регионального конфликта.

Помимо этого престиж, статус и роль той или иной державы в обеспечении международной безопасности будет определяться масштабом участия государств в миротворческой, спасательной деятельности и силовых операциях под эгидой ООН, в том числе в отдаленных регионах. В настоящее время Россия стоит на 41-м месте по объему участия в поддержании международного мира и стабильности (400 человек в пяти миссиях), что никак не соответствует ее претензиям на статус великой державы и серьезную роль в глобальном управлении миром после холодной войны. Данный негативный подход усугублен в бюджете 2013 г.: ассигнования на коллективную безопасность и миротворческую деятельность (подраздел 0205) были полностью из него изъяты⁴⁰.

Согласно новой доктрине и (или) практической текущей реформе приоритеты военной политики и военного строительства в порядке убывания можно представить следующим образом:

- Ядерное сдерживание с относительно высоким уровнем сил, предусматривающее все формы применения ЯО — первый, ответно-встречный и ответный удары⁴¹ — и несовместимое с обязательствами по дальнейшему сокращению ядерного оружия вслед за новым Договором СНВ.
- Воздушно-космическая оборона от массированных ударов баллистических и аэродинамических средств со стороны США и их союзников (преимущественно, как можно предположить, в неядерном оснащении). Такая оборона по понятным причинам едва ли согласуется с недавно предлагавшейся Москвой совместной системой ПРО Рос-

сии-США-НАТО для защиты от ракетных ударов безответственных режимов.

- Крупные региональные конфликты с НАТО на северных, западных и юго-западных границах России и СНГ (в Западном и Южном ОСК уже развернуто 30 бригад Сухопутных войск и 3 БХиРВТ — почти 50% общего числа развернутых бригад, три из четырех флотов).
- Локальные конфликты в Центральной Азии (в Центральном ОСК 20 развернутых бригад — 30%, также есть 5 баз хранения техники, одна дивизия — она же база — в Таджикистане и авиабаза в Киргизии, одна флотилия).
- Региональный конфликт на Дальнем Востоке, прежде всего с США и Японией (в Восточном ОСК 14 развернутых бригад — 22%, есть 7 баз хранения техники, одна дивизия на Южных Курилах, один флот).
- Локальные конфликты и миротворческие операции по периметру границ России и на постсоветском пространстве.
- Операции против пиратства в Индийском океане.

Эти приоритеты подтверждаются географическим распределением сил общего назначения на российской территории (рис. 1).

В отличие от этого в соответствии с магистральным направлением внешней политики, которая нужна России, и в свете реалистически прогнозируемых военных угроз приоритеты военной политики и реформы, как представляется, должны выглядеть так:

- Локальные конфликты в Центральной Азии с возможностью их эскалации до регионального масштаба и расширения на Южный и Северный Кавказ, в другие районы России, что предполагает интенсивную подготовку армии, пограничных и внутренних войск к ожидаемому уходу НАТО из Афганистана в 2014 г. (это подразумевает приоритет Центрального и Южного ОСК).
- В более отдаленной перспективе региональный конфликт на Дальнем Востоке (это предполагает приоритетное значение Восточного ОСК после Центрального и Южного).
- Локальные конфликты и миротворческие операции по периметру границ России на постсоветском пространстве и в составе международных сил в дальнем зарубежье, в том числе против террористов и пиратов.
- Защита посредством систем ПРО/ПВО объектов СЯС от ударов ракет в ядерном и обычном оснащении, а также прикрытие всей территории от одиночных или групповых ракетных и авиационных ударов третьих стран и террористов. Такая ПРО/ПВО обеспечит гарантированную живучесть потенциала ядерного сдерживания при снижении количественного уровня. При достижении соответствующих договоренностей она может быть совместима с концепцией развития сопряженной с США/НАТО ПРО в Европе (и Азии).

- Ядерное сдерживание на достаточном уровне в рамках нового Договора СНВ и Договора по РСМД (от 1987 г.) с упором на высокоэффективные системы управления и систему предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Акцент на различные варианты ответных ударов на основе высокоживучих стратегических ядерных сил, а также минимально достаточные средства ТЯО в западной и восточной частях территории. Этот потенциал по существу есть «страховой полис» от гипотетической угрозы ядерного или широкомасштабного неядерного нападения на Россию, который позволит сосредоточить основные ресурсы на борьбе с реальными угрозами и опасностями нового типа.

Таким образом, долговременные интересы безопасности и устойчивого развития России требуют не «шлифовки» нынешнего курса, а основательного пересмотра стратегии модернизации политической и социально-экономической системы, внешней и военной политики страны.

ОБЩАЯ СТРУКТУРА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

В программной статье в «Российской газете» 20 февраля 2012 г. Владимир Путин подвел итоги реформирования Вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и оценил состояние страны, а также определил остающиеся проблемы и пути их разрешения. В частности, он отметил: «Сформированы четыре укрупненных военных округа: Западный, Южный, Центральный и Восточный. Им под управление переданы силы ВВС, ПВО и Флота. По сути речь идет об оперативно-стратегических командованиях. С 1 декабря 2011 года на боевое дежурство в России заступил новый род войск — Войска воздушно-космической обороны»⁴². Это направление оценено им как вполне оправданное.

Вместе с тем, как уже отмечено ранее в работе «Новая военная реформа в России»⁴³, создание четырех объединенных стратегических командований в рамках укрупненных военных округов (командующий округом одновременно стал командующим ОСК) с общим штабом, когда в одних руках остались прежние задачи по административно-хозяйственной деятельности и по оперативному управлению, выхолащивает основную идею объединенного стратегического управления разнородными силами и средствами. Все осталось во многом так, как до Великой Отечественной войны, когда, например, Белорусский военный округ с началом войны превратился в Западный фронт с полной потерей управления (и последующим расстрелом командующего).

Между тем в России с начала 1990-х годов было выполнено значительное количество исследований, проходили бурные дискуссии на коллегиях Министерства обороны, в Генеральном штабе, Центре воен-

Рис. 1. Объединенные стратегические командования России: ОСК — объединенное стратегическое командование. БХиРВТ — база хранения и ремонта вооружения и военной техники

Источники: Арбатов А., Дворкин В. Новая военная реформа России. — М., 2011. — С. 9 — (Рабочие материалы / Моск. Центр Карнеги; № 2); Военная реформа 2008—2020: цифры и факты // Индекс безопасности. — 2011. — № 1 (96). — С. 33—49; Новая армия России / Под ред. М. С. Барабанова. — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2010.

но-стратегических исследований обсуждались различные варианты системы преобразований в этой сфере. Стало очевидно, что необходимо значительно урезать функции округов, оставив за ними главным образом административно-хозяйственную деятельность, подготовку территориальной инфраструктуры и т. п.

Опыт создания и функционирования ОСК в ведущих военных державах подтверждает, что они должны быть образованы без привязки к округам. Помимо четырех ОСК (Западного, Южного, Центрального, Восточного) целесообразно образование Оперативно-стратегического командования силами быстрого реагирования на базе командования ВДВ и Объединенного командования оперативными перебросками. Последнее — на базе Центрального управления военных сообщений для заблаговременного планирования и управления железнодорожны-

ми, воздушными и водными транспортными средствами Минобороны и всех гражданских ведомств при проведении крупномасштабных учений и в чрезвычайных ситуациях. При этом должны быть заранее предусмотрены резервы для перебросок войск с учетом ожидаемых разрушений транспортной инфраструктуры от действий авиации и диверсионных групп противника. Судя по словам нового начальника Генштаба генерала армии Валерия Герасимова, складывается понимание необходимости таких мер⁴⁴.

Необходимо также формирование Объединенного главного командования стратегическими силами сдерживания для оперативного управления ядерной триадой. Такое командование уже было создано в 1991 г., но не реализовано в полной мере из-за распада СССР. В 1998 г. президент России одобрил создание Объединенного командования стратегическими силами сдерживания, однако его формирование было сорвано, прежде всего из-за отчаянного сопротивления начальника Генштаба того времени Анатолия Квашнина, не желавшего расстаться с частью своих функций и опасавшегося конкуренции.

При экспертизе новой структуры специалисты пришли к выводу, что ее реализация дала бы многомиллиардную экономию, привела бы к повышению оперативности планирования применения сил и средств, способствовала бы унификации всех звеньев автоматизированной системы боевого управления войсками и оружием, а также повысила бы ядерную безопасность и эффективность СЯС. В начале 2001 г. министр обороны России маршал Игорь Сергеев предлагал включить в проект плана строительства ВС России на 2001—2005 гг. создание на первом этапе объединенных командований стратегическими силами сдерживания, силами быстрого реагирования, оперативными перебросками. Однако реализация этих важнейших направлений также была заблокирована руководством Генштаба, поскольку пришлось бы делегировать часть его функций вниз.

В определенной степени сопротивление созданию объединенных командований было связано с позицией некоторых ветеранов-военачальников. Так, один из цитировавшихся выше заслуженных и уважаемых генералов утверждал, что ОСК нужны американцам, поскольку они ведут боевые действия по всему миру, а России необходимо обеспечить оборону страны.

Необходимо подчеркнуть, что подобные структуры — одно из наиболее эффективных и наименее затратных направлений реформирования вооруженных сил. Это магистральное направление, по которому уже давно прошли вооруженные силы всех передовых государств. Но решения о таких преобразованиях и на Западе всегда были трудными из-за сопротивления руководства ВМС, ВВС и Сухопутных войск, не желавших терять ряд своих полномочий.

Точно так же было и может в будущем повториться в России. Кроме сопротивления главкоматов видов этому будут упорно сопротивляться командующие округов. На Западе решения в этой сфере принимались законодательными органами и главами исполнительной власти, поскольку в рамках министерств обороны договориться не удавалось (в США таким образом созданы 9 главных и около 30 региональных командований). Сходным путем целесообразно идти и в России, однако из-за особенностей Госдумы решающее слово может принадлежать министру обороны и президенту (как это сделал Михаил Горбачев в 1991 г.).

При обсуждении истории образования ОГК СЯС в 1991 г. с одним из высших военных руководителей ему был задан вопрос об отношении к этому шагу Минобороны и Генштаба. Он ответил, что это было глубоко проработанное с советниками, прежде всего с маршалом Сергеем Ахромеевым, личное решение президента СССР, и ни у кого не возникло даже мысли обсуждать его. Это явилось впечатляющим примером действительной вертикали власти, которая опиралась на всесторонний анализ проблемы. Важно подчеркнуть, что тогда СССР даже опередил США, которые до этого располагали Стратегическим авиационным командованием с похожими функциями. И только через год американцы образовали свой Стратком.

В статьях российских руководителей справедливо делается упор на создание частей постоянной боевой готовности⁴⁵. Безусловно, положительным моментом стала ликвидация кадрированных соединений ВС, отказ от концепции массовой мобилизации личного состава и материальных запасов для войны, реорганизация системы подготовки резерва и хранения военных припасов и техники.

Однако, как показала внезапная проверка боеготовности отдельных подразделений ВС, только по состоянию ВиВТ, не говоря уже об оперативности действий личного состава (в ряде случаев приказы не доходили до подразделений), выявились серьезные проблемы. Как сказал на селекторном совещании 21 января 2013 г. начальник Генерального штаба генерал армии Герасимов, исправность авиации составляет только 66%, используемые образцы бронетехники устарели морально и физически (срок службы — 20—25 лет и более). По его словам, «износ основных узлов и агрегатов не позволяет использовать боевые возможности данного вида техники по этой причине, в ходе марша на полигон из строя вышли две единицы БМД-2».

Недостатки также были выявлены у вертолетов Ми-9, Ми-24, самолетов Су-25, самоходных артиллерийских установок «Мста», радиостанций Р-168-5ун. Он заявил, что «...БМД-4М по своей массе находится на пределе возможностей военно-транспортной авиации. Масса ее составляет 14,2 тонны, в самолет Ил-76 три единицы БМД-4М входят по габар-

ритам впритирку, а десант при этом может размещаться только внутри боевых машин». Также он сказал, что «...по 12 показателям не соответствует тактико-техническому заданию боевая машина “Волк”, разработанная в рамках опытно-конструкторской работы “Каратель-1”. Время завершения этой опытно-конструкторской работы — 2010 год, но до настоящего времени недостатки не устранены, и машина не представлена на повторные государственные испытания»⁴⁶. Видимо, заявления о достигнутых в этой области успехах преждевременны.

Решение прежнего министра обороны Анатолия Сердюкова о сокращении нескольких тысяч военных городков до 192 и перемещении всех семей офицеров в другие города в течение трех-четырех месяцев (!) отменено. Министр обороны Сергей Шойгу, по словам Валерия Герасимова, утвердил план обустройства первоочередных военных городков на период 2013—2014 гг. и на перспективу до 2017 г. «Всего спланировано к обустройству более 490 военных городков на территории всех военных округов, из них 50 — в 2013 году»⁴⁷. Столь ответственный подход к делу, от которого зависят судьбы сотен тысяч людей, после огромных издержек непродуманных и жестоких решений прежнего руководства, безусловно, внушает оптимизм.

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ТЕКУЩЕГО СОДЕРЖАНИЯ

ДИЛЕММЫ ПРИЗЫВА И КОНТРАКТА

Как отмечалось в вышеупомянутом прошлом исследовании авторов⁴⁸, наиболее серьезной и недопустимой первоначальной ошибкой военной реформы был фактический отказ не только от постепенного перехода на добровольно-контрактный принцип комплектования Вооруженных сил ВС, но и вообще от крупного контрактного контингента. В сентябре 2010 г. министр обороны на встрече в Петербурге с представителями правозащитных организаций заявил: «У нас нет средств содержать контрактников в том объеме, в каком мы бы хотели», поэтому будет увеличиваться количество призываемых на военную службу срочников⁴⁹. Вторя ему, начальник Генштаба Николай Макаров сказал: «Мы не переходим на контрактную основу. Более того, призыв мы увеличиваем, а контрактную часть уменьшаем»⁵⁰. Это решение могло перечеркнуть все положительные черты реформы и провалить планы создания совре-

менной и эффективной армии. Без высокого качества рядового состава передовые вооружения и техника мало чего стоят.

Первоначальный план реформы выглядел так: при численности ВС в 1 млн человек и намеченном сокращении офицерского корпуса до 120 тыс. армия должна иметь 150 тыс. сержантов и рядовых контрактников⁵¹ (по другим данным 170 тыс.⁵²) и не менее 700 тыс. солдат срочной службы. Отсюда возникал естественный вопрос: как набрать 700 тысяч призывников, тем более что при одногодичном сроке службы такой набор потребует ежегодно? По данным Министерства обороны, ежегодно призывного возраста достигают 700 тыс. юношей, из которых пригодны для службы максимум 400 тыс. человек, а набрать удастся не более 300 тыс.⁵³ В обозримый период предстоит «демографическая яма», которая уменьшит призывной контингент еще до уровня менее 300 тыс. человек (из которых не более 60—70% будут физически пригодны для военной службы)⁵⁴.

Уже в ходе реформы приведенные соображения, наверное, стали ясны, хотя их несложно было предвидеть с самого начала. Первой серьезной коррекцией стало принятое в начале 2010 г. решение сократить офицерский корпус не до 150 тыс., а до 220 тыс. человек, т. е. вернуть в строй 70 тыс. офицеров⁵⁵. Это обосновывалось задачей комплектования войск Воздушно-космической обороны и другими доводами.

Затем было решено увеличить контингент рядовых-контрактников со 150—170 тыс. до 425 тыс. военнослужащих к 2017 г. Наверное, стала очевидна невозможность в предсказуемых демографических условиях ежегодно набирать и обучать 630 тыс. призывников⁵⁶ (1 млн человек минус 220 тыс. офицеров и 150 тыс. контрактников). Таким образом, по третьей версии реформы комплектования предполагалось ежегодно призывать порядка 355 тыс. рядовых-срочников. Правда, позднее возник еще один вариант. В упоминавшейся программной статье Путин указал, что к 2017 г. при общей штатной численности ВС в 1 млн офицеры, курсанты и солдаты-контрактники будут составлять 700 тыс., а к 2020 г. призыв сократится до 145 тыс. человек⁵⁷.

Эта арифметика не может не заинтриговать: 700 тыс. плюс 145 тыс. — это 845 тыс., а не миллион. Значит, или численность ВС будет значительно меньше 1 млн человек, или число офицеров и контрактников составит не 700, а 855 тыс. человек, или сохранится некомплект в 155 тыс. призывников, что противоречит задаче иметь Вооруженные силы постоянной боевой готовности. Однако разрешить эту загадку власти пока не сочли нужным.

В настоящий момент ситуация выглядит так: в Вооруженных силах служат 220 тыс. офицеров, 190 тыс. рядовых-контрактников и порядка 310—320 тыс. призывников, ежегодно призываемых на 12 месяцев⁵⁸. Некомплект личного состава по штатному расписанию согласно раз-

ным экспертным оценкам колеблется в диапазоне 200—280 тыс. человек⁵⁹.

Иными словами, вопреки поставленной цели перехода всей армии на соединения и части постоянной готовности, бригады, базы и части флота снова имеют некомплект рядовых. Хуже того, даже части, полностью укомплектованные рядовым составом, в каждый момент времени имеют недостаточную боеспособность при сроке службы призывников в 12 месяцев. Ведь в любое время половина рядовых-срочников обладает лишь полугодовым опытом боевой подготовки. Но и за 12 месяцев невозможно обучить солдата обращению со сложной современной военной техникой и тактике ведения интенсивных боевых действий нового типа.

Рядовой контингент по-прежнему отличается низким качеством, поскольку его с милицией или военной полицией (сейчас эту функцию МВД и Министерство обороны сваливают друг на друга) вынуждают исполнять «почетную обязанность и долг». Отмена отсрочек и изменение правил призыва повлекли за собой рост доли призываемых с судимостью, проблемами здоровья, алкоголизмом и наркоманией, с недостаточным образованием, что, в свою очередь, привело к осязаемому всплеску преступности в войсках⁶⁰. В будущем такой контингент значительно вырастет ввиду необходимости компенсировать нехватку призывного контингента из-за «демографической ямы». Это увеличит масштабы дедовщины, преступности, самоубийств и смертности в результате несчастных случаев в армии и других войсках (от таких причин ежегодно погибает несколько сот военнослужащих).

Расчет на призыв выпускников вузов неоправдан — удастся «поймать» только 20% таких специалистов. Недавняя идея привлекать студентов три раза на три месяца службы в ходе обучения — очередной паллиатив, не более чем расширенная военная переподготовка, а не комплектование обученным контингентом частей постоянной готовности. Зато растет число тех, кто стремится учиться и работать за границей (в том числе в странах СНГ), чтобы уклониться от армии (таких сейчас, по официальным данным Госдумы, 1,6 млн человек, и их поток год от года будет расти⁶¹). Помимо всего прочего это идет вразрез с курсом правительства на модернизацию экономики, подъем науки и инновационных отраслей промышленности.

Потребность укомплектовать срочниками миллионную армию в условиях предстоящей «демографической ямы» поставит вопрос об увеличении срока их службы до полутора-двух лет или о распространении призыва на женщин (такие предложения в разной форме уже выдвигаются в Госдуме и различных военно-патриотических организациях⁶²). Но эти непопулярные меры лишь еще больше обострили бы напряжение в обществе, усугубили уклонение от службы и социальные конфликты

в армии, а значит, пагубно отразились бы на ее боеспособности, несмотря на техническое перевооружение. Уже сейчас 200 тыс. человек — это контингент «уклонистов», находящихся в бегах, что равно численности армий крупнейших стран Европы⁶³.

Выступая на расширенной коллегии Минобороны в марте 2013 г., президент Путин поставил задачу за 2013—2014 гг. на 100% укомплектовать армию рядовым и сержантским составом, но при этом сохраняя 12-месячный срок службы по призыву⁶⁴. По всей видимости, это одна из крупных задач военной реформы, которая не может быть выполнена — во всяком случае, при сохранении армии численностью 1 млн военно-служащих. Даже если будет достигнута цель иметь в 2017 г. 625 тыс. контрактников, призывать ежегодно 355 тыс. рядовых не получится ввиду «демографической ямы» и социальной обстановки в обществе. Тем более что в 2013 г. ассигнования на контракт в целях экономии средств были сокращены, поскольку, видимо, данное направление не считается приоритетным. Это позволит вместо намеченного ежегодного набора 50 тыс. контрактников (указ президента от 7 мая 2012 г. № 604) привлечь только 30 тыс.⁶⁵

Между тем никто из военачальников или политических лидеров не удосужился убедительно объяснить и доказать, что именно армия в миллион человек, и никак не меньше, нужна России. Вместо расчетов приводятся невразумительные тезисы о размерах территории (по этой логике кроме России самые большие армии должны иметь Австралия и Канада, а самую маленькую — Израиль), о протяженности границ (что имеет отношение только к пограничным войскам) или об усредненном проценте от размеров ВПК или численности населения (по такой схеме у США, КНР или Индии армии должны быть в десять раз больше, чем у России). Также указывается, что сокращение ниже миллиона заставит менять структуру и состав ВС, хотя на протяжении последних лет они несколько раз менялись независимо от общей численности личного состава.

Эти доводы могут произвести впечатление на дилетантов, но никак не на специалистов. Ни слова не говорится о реальных военных угрозах, которые должны парировать Вооруженные силы именно таких структуры, состава, дислокации и численности.

На деле, помимо стандартного ведомственного интереса Министерства обороны сохранить большой штат и психологической привязанности офицерского корпуса к гарантированному, пусть и недостаточному призыву, имеется вполне материальный мотив сохранения призывной системы. Его точно описывают известный российский военачальник высокого ранга Эдуард Воробьев и военный аналитик Виталий Цимбал: «Отказ от призыва отнимал “кормушку” у работников военкоматов и других лиц, причастных к предоставлению отсрочек. И в самой армии

затруднялась возможность использовать дармовой труд бесправных солдат»⁶⁶. Раскрывая этот отлаженный и изощренный коррупционный механизм, те же авторы оценивают ежегодный «бонус», вымогаемый на призыве, в 140 млрд руб. (!)⁶⁷.

Другой существенный мотив — полное бесправие призывников, которым не на кого рассчитывать кроме общественности и прессы, периодически выявляющих вопиющие случаи халатного, а подчас преступного отношения начальства к здоровью, питанию, условиям жизни, обмундированию призывников, не говоря уже об их использовании как дешевой рабочей силы или для бессмысленных хозяйственных заданий. В отличие от призывника контрактник знает свои права и отстаивает их, имея возможность в случае серьезных нарушений разорвать контракт. Для руководства контрактниками требуется серьезная психологическая перестройка и изменение методов работы офицерского корпуса, как и значительное повышение его качества, прекращение традиционной неразберихи, халатности военной организации, безответственного отношения начальства к обязательствам перед подчиненными.

Нежелание служить порождает силовые методы принуждения к службе со стороны старослужащих, сержантов и младших офицеров, что выливается в повсеместную дедовщину. Гарантированный подневольный приток рядовых-срочников делает для командования излишним заботиться об улучшении их быта и на деле, а не напоказ, бороться с «неуставными отношениями». В свою очередь, это (а вовсе не тяготы военной службы и даже не опасности в «горячих точках») отталкивает молодых людей от службы — и так далее по порочному замкнутому кругу.

Снять полностью эти проблемы может только поэтапный, но достаточно быстрый (в два-три года) переход полностью на контракт — даже за счет сокращения численности ВС. Ведь в любом случае некомплект рядовых-срочников ведет к тому, что реальная, а не «бумажно-статистическая» армия будет насчитывать не миллион, а гораздо меньше, да и то с рядовым составом неприемлемо низкого качества. По ряду показателей (таким, как недостаточные ассигнования на продовольственное обеспечение, позволяющие прокормить только 400 тыс. человек — в основном контрактников и призывников) можно судить о том, что реальная численность ВС ныне не превышает 700—800 тыс. человек⁶⁸.

Новейшая военная техника и интенсивные локальные и региональные боевые операции нового типа предполагают существенное повышение профессионализма военнослужащих, которое способен дать только переход на контракт. Окончание холодной войны и наличие у ведущих государств ядерных вооружений делает крайне маловероятной традиционную широкомасштабную войну с использованием сил общего назначения в Европе или Азии. На будущее планируются локальные

боевые или миротворческие операции, применение новейших ядерных вооружений, что делает массовые призывные армии и ненужными, и неэффективными. Недаром все передовые страны, включая континентальные европейские, одна за другой — вслед за США и Великобританией — переходят на контракт. По существу контрактная армия становится неотъемлемым, знаковым атрибутом передовых в военном отношении государств (этим путем теперь пошли даже в ФРГ, исключение — лишь Израиль с его совершенно особым «осадным» геостратегическим положением). В России переход на полностью контрактную армию остается привлекательной целью, ее поддерживают согласно опросам 60% населения⁶⁹.

После жарких дебатов 1990-х годов ныне в России уже общепринято, что контрактная армия не менее патриотична, чем призывная, но гораздо выше по качеству и в свете реалистически прогнозируемых военных угроз. Тем не менее в военных ведомствах и стратегическом сообществе все еще превалирует мнение, что полностью контрактная армия государству сейчас не по карману. И в этом, видимо, пока удастся убедить президента и правительство. Однако эта расхожая «истина» была необоснованной раньше и останется таковой впредь.

Если оттолкнуться от официально утвержденного плана иметь в 2017 г. офицерский корпус в 220 тыс. человек и 425 тыс. контрактников сержантов и рядовых, то, набрав дополнительно, например, 155 тыс. контрактников-рядовых, можно было бы сформировать Вооруженные силы численностью в 800 тыс. военнослужащих. Тогда соотношение офицерского и рядового состава было бы почти 1:3, что вполне приемлемо для «инновационной» армии с большим удельным весом техномехических родов и видов войск (СЯС, Космических войск, ВВС, ВМФ). При денежном довольствии рядовых-контрактников в 25 тыс. руб. в месяц⁷⁰, имеющем целью привлечь качественный контингент (это почти равно довольствию рядового в армии США), такой дополнительный контрактный контингент обошелся бы бюджету добавочно в 47 млрд руб. в год, что составило бы всего 2,5% оборонных расходов 2012 г. и 2,2% расходов 2013 г. Даже если увеличить базовое денежное довольствие контрактников до 30 тыс. руб. в месяц (т. е. 1000 долл.), то стоимость контрактного контингента в 580 тыс. человек составила бы 209 млрд руб. в год, т. е. 10% ассигнований на оборону в 2013 г. Разумная и надежная ипотечная система приобретения жилья стала бы для контрактников сильным стимулом к возобновлению договоров и добросовестной службе.

Дополнительные расходы были бы значительно меньше с учетом экономии на ежегодном призыве 300 тыс. срочников, их обучении и демобилизации. Это тем более выгодно, если принять во внимание материальные и человеческие потери от низкого качества рядового личного состава и преступности в армии. В течение ряда лет такая экономия

полностью оправдывает дополнительные затраты на контракт и не причинит ущерба инвестиционным статьям бюджета, но при этом даст новейшее вооружение и военную технику в руки квалифицированного и заинтересованного в службе личного состава.

Обосновывая чрезмерность затрат по переводу всей армии на контракт, в Министерстве обороны указывают, что нужно учитывать не только расходы на денежное довольствие контрактников, но и на улучшенные для них казармы, нормальную боевую подготовку, обмундирование и качественное техническое оснащение. То есть как бы негласно признается, что для солдат-срочников ни приличное жилье, ни интенсивная боевая подготовка, ни хорошая техника не обязательны. Между тем все эти дополнительные меры и затраты в любом случае нужны для улучшения качества армии независимо от перехода на контракт, и их нельзя прибавлять к расчетам стоимости контрактной службы.

Естественно встает вопрос: достаточна ли 800-тысячная армия для России? Если взять самый емкий в плане личного состава вид — Сухопутные войска, то согласно плану военной реформы в них предполагается иметь 85 бригад, что потребует примерно 200 тыс. человек рядового контингента. Это составит менее 35% рядовых-контрактников предложенного варианта структуры ВС. Остальные будут служить в тыловых частях Сухопутных войск, ВДВ (25 тыс. рядовых и сержантов — контрактников) и в техноемких видах и родах войск (СЯС, Космических войсках, ВВС, ВМФ), где количество рядового состава невелико, но качество особенно важно.

Кроме того, авторы реформы никогда не объясняли, почему России нужно именно 85 бригад. Можно предположить, что эта цифра выведена не из расчетов реальных военных потребностей, а просто родилась в результате консолидации личного состава и материальной части кадрованных соединений с соединениями полного состава и переформирования их в более компактные компоненты Вооруженных сил (бригады Сухопутных войск, базы ВВС), которые по идее должны иметь полный состав. Однако даже если по нынешнему плану удастся укомплектовать эти бригады срочниками (что практически нереально), рядовой состав будет иметь низкую боеспособность. Очевидно, что лучше было бы иметь 60—70 бригад, полностью укомплектованных контрактниками.

Несомненно, главная прямая угроза безопасности страны сегодня исходит с южных направлений по протяженной дуге нестабильности от Кавказа до Памира и Тянь-Шаня. Однако эта угроза не выражается в традиционной форме агрессии организованных вооруженных сил ведущих военных держав и союзов. Она воплощается в экстремистских вооруженных движениях, использующих партизанские методы ведения войны трансграничного типа (т. е. со слиянием внутреннего и внешнего конфликта) в отношении самой России и ее союзников.

Для возможных операций вблизи своих рубежей России — при должном качественном уровне войск и сил — было бы достаточно 100—150 тыс. человек для защиты интересов страны от самой крупной мыслимой угрозы на Кавказе или в Центральной Азии. Примерно такую по величине группировку смогла бы развернуть армия общей численностью 800 тыс. человек.

Те или иные составные («модульные») элементы такой армии будут способны эффективно действовать в условиях локальных конфликтов низкой интенсивности, поддерживать внутренние войска и пограничников, участвовать в миротворческих и антитеррористических операциях, в том числе коллективных в «дальнем зарубежье». Группировка подобного масштаба может в перспективе понадобиться и для усиления военной группировки на восточных рубежах страны.

Эпопея с реформированием системы комплектования ВС демонстрирует изначальную непродуманность этого важнейшего аспекта военной реформы, из-за чего приходилось вносить поправки «на ходу» с немалыми экономическими, социальными и морально-политическими издержками (рис. 2).

Нынешний план добиться 100%-ной укомплектованности миллионной армии в 2013—2014 гг. выглядит нереалистичным. Это важнейший аспект военной политики и реформы, где требуется не тонкая доводка, а достаточно радикальное, но тщательно просчитанное изменение традиционного подхода.

Традиционный российский и советский подход всегда, со времен регулярной армии и войн Петра I и до второй чеченской кампании 1999—2000 гг., рассматривал личный состав как самый дешевый «расходный материал» армии и флота. Научно-техническая и информационная революция в военном деле, как ни парадоксально, выдвинула на первый план не новые технологии, а именно качество личного состава, без которого самая передовая дорогостоящая техника бессмысленна. Осознание этой новой реальности требует поистине революционных изменений привычного российского военного менталитета.

ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ И ЖИЛЬЕ

Самые ощутимые и положительные изменения в ходе военной реформы произошли в системе денежного довольствия Вооруженных сил и других войск. С октября 2008 г. в дополнение к заметному повышению с 2006 г. оклады по воинским должностям увеличились на 9%, с августа 2009 г. — на 8,5%, с 1 апреля 2009 г. — еще на 6,5%. Помимо оклада большое значение имели дополнительные выплаты (надбавки) по результатам службы включая сложность, напряженность и специальный режим во-

енной службы. Сейчас расчетная сумма дополнительных выплат для младшего лейтенанта составляет 70 тыс. руб., полковника — 140 тыс., а генерал-полковника — 170 тыс.⁷¹ Это приближает материальное вознаграждение военнослужащих к минимально допустимому уровню, а ежегодное повышение более или менее компенсирует инфляцию.

Однако и тут не обошлось без проблем и издержек. Распределение надбавок проводилось в закрытом режиме, их объемы не были закреплены нормативно. Это повлекло значительное и зачастую необоснованное расхождение в оплате воинского труда при одинаковых должностях и званиях военнослужащих в различных частях, видах и родах войск, в разных регионах страны. Вырос произвол и фаворитизм в распределении дополнительных выплат, произошел всплеск коррупции, что обострило социально-психологическое напряжение в офицерском корпусе. Переход в 2012 г. на систему «Единый расчетный центр» вместо прежних финансовых органов военных частей повлек бюрократическую неразбериху и необоснованные задержки выплат денежного довольствия офицерам и в еще большей степени — рядовому контрактному и срочному составу. В бюджете 2013 г. не оказалось средств на ежегодную индексацию денежного довольствия с учетом инфляции и на льготы для семей военнослужащих⁷².

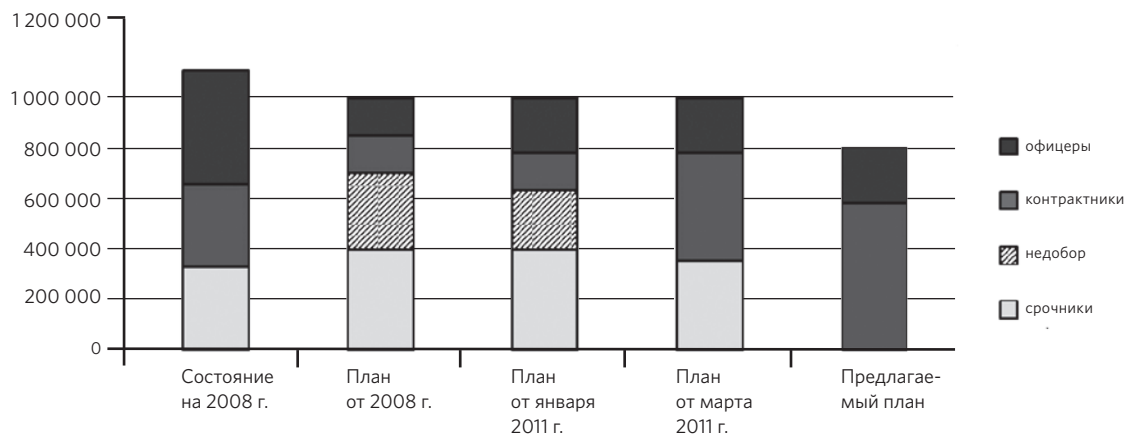
Очевидно, что при положительных сдвигах последних лет в части обеспечения достойного материального уровня военнослужащих здесь еще требуется, если воспользоваться словами президента, большая работа по «шлифовке всех деталей» механизма и нормативной базы, чтобы сделать их открытыми, понятными и обоснованными, избавить от произвола и злоупотреблений начальства.

Значительно хуже обстоит дело с другой наболевшей проблемой — обеспечением военнослужащих жильем. В очередной раз было сорвано выполнение обязательства президента обеспечить увольняемых военнослужащих постоянным жильем в 2010 г., а остающихся на службе — служебным жильем в 2012 г.⁷³

Проблема еще больше обострилась в ходе реформы, когда без всякого учета жилищного ресурса в 2008—2009 гг. было уволено 123 тыс. офицеров и прапорщиков. Нехватка денег на выходные пособия и жилье стала причиной того, что большая часть офицеров, подлежащих по реформе сокращению, была выведена за штат, но не уволена из армии и содержалась на малую часть прежнего денежного довольствия с серьезным материальным и моральным ущербом для них и их семей. Однако такой выход усугубит другую проблему — нехватку служебного жилья для действующих офицеров. В бюджетах последних лет на это выделялось не более 30% от потребности.

Не оправдала себя программа государственных жилищных сертификатов. В 2008—2009 гг. вместо требовавшихся 25 тыс. сертификатов в год

Рис. 2. Структура комплектования ВС России: состояние и планы

Источники: Барбанов М. С., Макиенко К. В., Пухов Р. Н. Реформа Сердюкова-Макарова: главные задачи // Воен.-пром. курьер. — 2012. — 22 авг. — № 33; Воробьев Э. А., Цымбал В. И. Привычка идти зигзагами на попятную — неистребима: от забытых замыслов военного строительства — к приданию армии «нового» и «новейшего» облика // Независимое воен. обозрение. — 2011. — 4 марта (http://nvo.ng.ru/concepts/2011-03-04/1_oblik.html); Мясников В. А. Двести тысяч уклонистов — всех не переловить: план призыва можно выполнить только на основе социальной справедливости // Независимое воен. обозрение. — 2011. — 18 февр. (http://nvo.ng.ru/realty/2011-02-18/1_uklonisty.html); Путин В. В. Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России // Рос. газ. — 2012. — 20 февр. (<http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>); Пять задач Главковерха // Независимое воен. обозрение. — 25—31 марта. — № 11 (655).

выдавалось всего в среднем по 6—7 тыс. К тому же нормативная стоимость жилья по сертификату ради экономии определялась ниже средней рыночной, и офицеры были вынуждены доплачивать крупные собственные средства или покупать квартиры меньше установленной для них нормативной площади⁷⁴.

В целях выполнения президентских обязательств в 2008—2011 гг. Министерству обороны были выделены огромные средства — в общей сложности более 330 млрд руб., т. е. в разы больше, чем раньше. Но поставленные цели не были достигнуты: численность нуждающихся в жилье военнослужащих уменьшилась всего на 9 тыс. человек (со 123 до 114 тыс.). План по вводу нового жилья был выполнен Министерством обороны лишь

на 45%⁷⁵, несвоевременная сдача квартир приобрела системный характер, зачастую дома сдавались в эксплуатацию с огромными недоделками и даже без подвода коммуникаций, растет объем незавершенного строительства. Военнослужащие все чаще отказываются вселяться в выделенные квартиры не только из-за плохого качества, но и потому, что место строительства определяется произвольно, там отсутствует необходимая социальная инфраструктура (транспортная доступность, торговые центры, детские сады и школы, медицинские учреждения и пр.). В 2011 г. из выделенных 25 тыс. квартир было заселено всего 2 тыс. (8%)⁷⁶.

Коммерциализация политики обеспечения жильем повлекла еще большую коррупцию, произвол и злоупотребления в строительстве, приобретении, учете и распределении квартир.

Не ликвидируемая вот уже более двадцати лет проблема жилья, несомненно, опирается в глубоко порочную систему ее решения. Строительство жилья стало бесконечным процессом, который не способен удовлетворить потребности ни в служебном жилье для действующих офицеров, ни в постоянном жилье для ежегодно увольняемых.

В упоминавшейся публикации авторов в 2011 г. ими был предложен наиболее целесообразный путь решения: «Полностью обеспечить постоянным или служебным жильем всех действующих офицеров согласно штатному расписанию ВС, а увольняемым предоставлять “живые” деньги на квартиры, исчисляемые по средней стоимости жилья в России, причем положенное жилье определять по площади в зависимости от звания, выслуги лет и других заслуг уходящих из рядов ВС офицеров»⁷⁷. Опыт последних лет наглядно продемонстрировал, что жилье на свободном рынке в среднем в 2,5 раза дешевле, чем стоимость квартир, построенных силами Минобороны. В 2009 г. за счет ассигнований по жилищной программе было получено 26 тыс. квартир, а на свободном рынке за ту же стоимость можно было бы приобрести 43 тыс. квартир⁷⁸.

Минобороны вот уже много лет упорно сопротивляется такому варианту. Доступ к распоряжению стройматериалами, техникой и дешевой рабочей силой срочников имеет огромную материальную привлекательность для чиновников, а капитальное строительство — один из самых коррупционных видов деятельности. Поэтому на период до 2014 г. военное ведомство запросило, чтобы было вчетверо увеличено финансирование этой программы — с 95 млрд руб. до 366 млрд⁷⁹.

Но положение стало настолько вопиющим, что руководство Минобороны, похоже, решилось на кардинальный шаг. Новый министр Сергей Шойгу заявил, что впредь будет строиться только служебное жилье, а увольняемым будут предоставляться денежные средства для приобретения жилья на свободном рынке⁸⁰. Это, безусловно, совершенно правильное решение. Уходящий в отставку офицер — не крепостной, он должен иметь право сам определить, где его семье удоб-

нее жить, и приобрести жилье, сопоставив его стоимость со своими потребностями.

Однако на этом пути предстоит преодолеть жесткое сопротивление заинтересованных ведомств, их подрядчиков и политических покровителей. Также необходимо разработать обоснованную, открытую, понятную нормативную базу и административный механизм ее реализации, систему объективной, а не заниженной оценки рыночной стоимости жилья в среднем по стране, ежегодную индексацию изменения цен. Иначе эта здравая идея выльется в очередной вариант государственных жилищных сертификатов, создаст поле для произвола, коррупции и поборов с увольняемых офицеров. Если это и можно отнести к «шлифовке» принятого курса, то только очень глубокой, предполагающей большую переработку существующей практики.

Способность нового политического и военного руководства провести это разумное решение в жизнь станет одним из важнейших показателей его способности не только совершенствовать военную реформу, но и бороться с коррупцией.

ЯДЕРНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ

В своей программной статье президент Путин неоднократно подчеркивал роль ядерного оружия в обеспечении безопасности России: «Вероятность глобальной войны ядерных держав друг против друга невысока, таковая означала бы конец цивилизации. До тех пор, пока “порох” стратегических ядерных сил, созданных огромным трудом наших отцов и дедов, остается “сухим”, никто не посмеет развязать против нас широкомасштабную агрессию». При этом он отмечал возрастающую роль других видов вооружений, а в отдаленной перспективе — вероятность создания оружия на новых физических принципах: «Все это позволит наряду с ядерным оружием получить качественно новые инструменты достижения политических и стратегических целей. Подобные системы вооружений будут сопоставимы по результатам применения с ядерным оружием, но более “приемлемы” в политическом и военном плане. Таким образом, роль стратегического баланса ядерных сил в сдерживании агрессии и хаоса будет постепенно снижаться». Тем не менее, по мнению президента, «... очевидно, что в структуре Вооруженных Сил сохранится роль и значение сил ядерного сдерживания. Во всяком случае, до тех пор, пока у нас не появятся другие виды оружия, ударные комплексы нового поколения»⁸¹.

Таким образом, в обозримой перспективе роль ядерного оружия для России является неизменной и приоритетной в военных программах. В упомянутой статье сказано: «Обеспечена надежная устойчивость и достаточность наземной, морской и воздушной составляющей Стратегических ядерных сил России. Доля современных ракетных комплексов наземного базирования за последние четыре года уже возросла с 13 до 25 процентов. Будет продолжено переоснащение еще 10 ракетных полков стратегическими комплексами “Тополь-М” и “Ярс”. В Дальней авиации полностью сохранен парк стратегических ракетоносцев Ту-160 и Ту-95МС, идут работы по их модернизации. Для наших “стратегов” на вооружение принята новая крылатая ракета воздушного базирования большой дальности. Начинается разработка перспективного авиационного комплекса для Дальней авиации. <...> На дежурство заступают подводные стратегические ракетоносцы нового проекта “Борей”. Лодки такого класса: “Юрий Долгорукий” и “Александр Невский”, уже проходят государственные испытания». В контексте программы вооружения до 2020 г., указал он, «в предстоящее десятилетие в войска поступит более 400 современных межконтинентальных баллистических ракет наземного и морского базирования, 8 ракетных подводных крейсеров стратегического назначения»⁸².

Относительно противодействия американской ПРО Путин отметил: «Гарантией от нарушения глобального баланса сил может служить либо создание собственной, весьма затратной и пока еще неэффективной системы ПРО, либо, что гораздо результативнее, способность преодолевать любую систему противоракетной обороны и защитить российский ответный потенциал. Именно этой цели и будут служить Стратегические ядерные силы и структуры воздушно-космической обороны»⁸³.

Рассмотрим текущее состояние российских ядерных сил и перспективы их развития, опираясь на открытые российские источники и доступные зарубежные экспертные материалы.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ

По результатам обмена данными с США в соответствии с Договором СНВ в боевом составе СЯС России по состоянию на 30 ноября 2012 г. находятся 491 развернутая пусковая установка и 1499 боезарядов на них. С учетом неразвернутых пусковых установок — 884 единицы. По количеству боезарядов и по развернутым пусковым установкам это гораздо меньше того, что может оставаться у сторон к 2017 г. по условиям Договора СНВ (700 развернутых пусковых установок и 1550 боезарядов). В то же время в США 806 развернутых пусковых установок и 1722 боезаряда. С учетом неразвернутых — 1034 единицы⁸⁴.

В РВСН в настоящее время развернуто 96 новых ракетных комплексов «Тополь-М» и «Ярс» стационарного и мобильного базирования. Принято обоснованное решение о прекращении развертывания моноблочных ракет «Тополь-М» и дальнейшей постановке на боевое дежурство только ракет «Ярс» с разделяющимися головными частями. В составе РВСН остаются ракетные комплексы РС-20 (Р-36М2, 52 единицы), РС-18 (УР-100НУТТХ, 70 единиц) и РС-12М «Тополь» (170 единиц), часть которых не засчитывается в число развернутых, поскольку их готовят к замене. Количество развернутых пусковых установок по результатам обмена данными составляет 332 единицы с 1092 боезарядами.

В составе морских СЯС имеется 11 ракетоносцев с 336 боезарядами. На Северном флоте — 6 ракетоносцев проекта 667БДРМ (из которых 3 оперативно развернутых), 1 проекта 955 и 1 проекта 941. На Тихоокеанском флоте — 3 ракетоносца проекта 667БДР.

В составе авиационных СЯС — 66 стратегических бомбардировщиков с 200 крылатыми ракетами, в том числе 11 Ту-160 и 55 Ту-95МС⁸⁵.

За прошедшие два года наиболее интенсивно происходило перевооружение РВСН. По заявлению командующего РВСН генерал-полковника Сергея Каракаева, две дивизии (Татищевская и Тейковская) полностью перевооружены на ракетные комплексы «Тополь-М» и «Ярс». Еще в одной дивизии (Козельской) начаты работы по замене ракет РС-18 (УР-100НУТТХ) на ракеты «Ярс». На эти же ракеты в текущем году будет проведена замена еще в двух дивизиях (Новосибирской и Домбаровской)⁸⁶. Продолжается эскизное проектирование новой жидкостной ракеты стационарного базирования для замены «тяжелой» ракеты РС-20 (Р-36М2).

Если предположить, что в течение следующих 10 лет в РВСН будут сохранены 10—11 дивизий, то общее количество стационарных и мобильных пусковых установок может составить 340—350 единиц. Прогнозировать количество боезарядов на них в настоящее время достаточно сложно, поскольку неизвестно, сколько их будет размещено на ракетах «Ярс». Есть основания предполагать, что на каждой такой ракете может быть от 3 до 6 боезарядов, а на каждой новой жидкостной ракете — до 10 боезарядов. Если допустить, что в среднем на каждой ракете будет 3 боезаряда, то через десять лет в РВСН может быть примерно 1000—1100 боезарядов.

В морской составляющей за прошедшие два года принят на вооружение подводный ракетоносец «Юрий Долгорукий». Второй ракетоносец этой серии «Александр Невский» проходит государственные испытания и должен быть принят в боевой состав в текущем году. Третий ракетоносец, «Владимир Мономах», спущен на воду в конце 2012 г., четвертый, «Князь Владимир», создаваемый по усовершенствованному проекту, находится в стадии строительства на предприятии «Севмаш» в Севе-

родвинске. До 2020 г. планируется построить 8 ракетноносцев проекта «Борей».

Если на каждом ракетоносце проектов 955 и 955А может быть до 16 пусковых установок при 6 боезарядах на ракете «Булава», а подлодки проектов 667 БДРМ и 667 БДР будут выведены из боевого состава ВМФ, то общее количество боезарядов в морских СЯС может составить до 768 единиц.

В составе авиационных СЯС будет продолжаться модернизация тяжелых бомбардировщиков Ту-160 и Ту-95МС, их общее количество сохранится примерно на том же уровне. С достаточной степенью уверенности можно утверждать, что разработка, летные испытания и принятие на вооружение нового авиационного комплекса дальней авиации не будут завершены в ближайшие десять лет.

Таким образом, если программа развития СЯС будет реализована, то теоретически в ее составе к концу десятилетия может быть до 400 носителей и почти 2000 боезарядов (по правилам зачета, принятым в рамках нового Договора СНВ 2010 г.). Это значительно превысило бы допустимые по новому Договору СНВ уровни по боезарядам (1550 единиц).

Однако, как показывают оценки финансово-экономического обеспечения затрат на развитие ВС включая СЯС (см. раздел «Программа вооружений и экономика»), состояния ОПК, а также история срыва всех предыдущих государственных программ вооружения, едва ли можно рассчитывать на полную реализацию описанной выше программы развития СЯС. В связи с этим представляется, что целесообразна ее значительная корректировка. Аргументы против разработки новой жидкостной ракеты для шахтных пусковых установок были изложены ранее в работе «Новая военная реформа России»⁸⁷ и полностью сохраняют свой смысл. Возможно, сроки окончания разработки этой ракеты (2018 г.) по сравнению с планируемыми в ГПВ-2020 будут увеличены в новой программе ГПВ-2015—2025. Если все-таки разработка новой жидкостной ракеты будет завершена, то с учетом отсутствия ее вклада в потенциал ядерного сдерживания СЯС более целесообразным представляется оснащать такую ракету неядерными высокоточными боезарядами для создания потенциала нанесения быстрого глобального удара (для этого еще предстоит сформулировать рациональные боевые задачи с учетом большой стоимости таких систем и наличия других средств, отвечающих критерию «стоимость — эффективность», чего пока не удалось сделать ни в США, ни в России).

В последнее время со стороны представителей ОПК слышатся призывы приступить к разработке нового боевого железнодорожного ракетного комплекса (БЖРК) с ракетами типа «Ярс». Такой ракетный комплекс действительно мог бы повысить живучесть группировки РВСН, однако мобильные комплексы с ракетами «Тополь-М» и «Ярс» при существую-

ющих и прогнозируемых потолках нового Договора СНВ и без БЖРК обеспечивают вполне достаточный потенциал ядерного сдерживания. Поэтому его создание привело бы только к неоправданным дополнительным затратам и без того ограниченных средств, к увеличению типажа ракетных комплексов и росту затрат на эксплуатацию.

Программа строительства 8 подводных ракетносцев проектов 955 и 955А по-прежнему не имеет ясного оперативно-стратегического и финансового обоснования. Представляется более целесообразным иметь в перспективе 4, максимум 5 подводных ракетносцев с баллистическими ракетами «Булава» с доведением их эксплуатационных характеристик до уровня, при котором на боевом патрулировании находились бы 50% общего их количества (т. е. до уровня, существующего в США, Великобритании и Франции). Это обеспечило бы такой же вклад морских СЯС в потенциал ядерного сдерживания, как при наличии 8 подводных ракетносцев с нынешним показателем коэффициента оперативной напряженности.

Следует отметить, что планируемые решения о базировании 4 подводных ракетносцев проектов 955 и 955А на Тихоокеанском флоте представляются не вполне стратегически обоснованными и походят на политико-символическую реакцию на сосредоточение сил США в этом регионе. Вряд ли это целесообразно с учетом имеющихся преимуществ северной инфраструктуры базирования российских морских СЯС.

Авиационный компонент СЯС лучше всего постепенно переключать на выполнение региональных задач (в частности, путем оснащения высокоточными крылатыми ракетами большой дальности в неядерном оснащении). Их вклад в ядерное сдерживание весьма сомнителен, а роль в обеспечении России потенциалом высокоточного обычного оружия большой дальности была бы очень весомой.

Предлагаемая корректировка программы СЯС, которая может стать вполне реальной с учетом прогнозируемого дефицита финансовых средств, приводит к выводу о целесообразности достижения новой договоренности России и США о сокращении СЯС сторон до уровней примерно в 1000 боезарядов. В этом случае отпала бы необходимость наращивания российских стратегических сил до потолков Договора СНВ от 2010 г. и появилась бы возможность экономии значительных ассигнований, крайне необходимых в других сферах российской военной политики и реформы.

Возможность достижения таких договоренностей в некоторой степени облегчается ввиду объявленной Пентагоном корректировки программы ЕвроПРО. В частности, речь идет об отмене четвертой фазы программы, предусматривавшей развертывание системы противоракет «Стандард-3 ПВ», теоретически способных перехватывать МБР⁸⁸. Это могло бы способствовать преодолению противоречий между Рос-

сией и США/НАТО и активизации поиска путей сотрудничества в этой сфере.

ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Российская политика по отношению к нестратегическому ядерному оружию, судя по «Военной доктрине Российской Федерации» 2010 г., при определении задач ядерного сдерживания и условий применения ЯО не рассматривает тактическое ядерное оружие (ТЯО) отдельно от стратегического. Отдельно СЯС упоминаются только в содержащемся в этом документе описании задач по поддержанию состава и их подготовке к применению⁸⁹.

Официальная информация о состоянии и планах в отношении нестратегического ЯО отсутствует. Большинство экспертных оценок сводится к констатации наличия у России в настоящее время примерно 2000 единиц ЯО тактического назначения. Сюда включаются около 730 ядерных боезарядов для тактических ядерных авиационных ракет и бомб для 120 бомбардировщиков средней дальности Ту-22М и для 400 фронтовых бомбардировщиков Су-24, а также для морской авиации в составе 180 самолетов Ту-22М, Су-24, Бе-12 и Ил-38. Свыше 700 единиц ТЯО — это противокорабельные, противолодочные, противовоздушные ракеты, а также глубинные бомбы и торпеды кораблей и подводных лодок включая до 400 ядерных крылатых ракет морского базирования большой дальности многоцелевых подводных лодок. Около 70 ядерных боеголовок, по экспертным оценкам, находится на ракетах-перехватчиках Московской системы ПРО А-135 и еще около 340 — на зенитных ракетах типа С-300⁹⁰.

От политики Москвы в этой сфере в немалой мере зависят дальнейшие шаги по ограничению ЯО. В ходе переговоров по новому Договору СНВ американский Сенат настаивал на включении тактического ядерного оружия в рамки сокращений. Ратификационная резолюция Сената по Договору СНВ прямо требует поставить данный вопрос на следующем этапе переговоров. В ядерной доктрине США от 2010 г. и в Стратегической концепции НАТО от ноября того же года эта задача также поставлена⁹¹. Основание для этого на Западе видят в значительном преимуществе России над США и НАТО по ТЯО, которое при снижении уровней СЯС станет еще больше, что вызывает беспокойство и союзников США.

Ныне обсуждаемые в США и НАТО варианты сокращения и ограничения ТЯО вместе со стратегическими боеголовками и бомбами на складском хранении едва ли реалистичны. Действительно, в мирное время боезаряды ТЯО по прецеденту нового Договора СНВ являются неразвернутыми и находятся в хранилищах вместе со стратегическими. Но никакого опыта инспектирования хранилищ нет, и никаких прорывов

в этом вопросе не ожидается. Кроме того, договорные отношения, как правило, базируются на равенстве сил, что неприемлемо для Москвы в сфере ТЯО из-за ее геостратегического положения. Россия в отличие от США находится в пределах досягаемости ядерного оружия всех третьих стран — обладательниц ЯО. Также Россия значительно уступает соседям на западе и востоке по силам общего назначения.

Однако бесконечно уклоняться от обсуждения проблем ограничения ТЯО для Москвы тоже неправильно. Ввиду заинтересованности США и НАТО эта тема является одним из немногих козырей России в сфере ограничения вооружений. Возможность продвижения в этом аспекте может быть использована для прогресса в диалоге по ПРО, неядерным высокоточным вооружениям большой дальности, в подключении к процессу третьих ядерных держав (в первую очередь Великобритании и Франции), а также в сфере ограничения обычных вооруженных сил и вооружений в Европе.

Важное решение в этой связи могло бы быть принято российским руководством по отношению к ядерным боезарядам, предназначенным для систем ПВО и ПРО, которых, по экспертным оценкам, насчитывается около 400 единиц⁹². Можно было бы без всякого ущерба для безопасности перевести ядерные боезаряды систем ПВО и ПРО в категорию средств, предназначенных для полной утилизации. Если можно было на пиках холодной войны допускать такое оснащение для средств ПВО и ПРО, которые применялись бы над своей территорией с очевидными пагубными последствиями, то в изменившихся условиях это уже недопустимо.

Что же касается роли ТЯО для сдерживания, то, как показал 40-летний опыт переговоров и соглашений ОСВ/СНВ, при определенных условиях ограничение и сокращение ЯО не ослабляет, а укрепляет сдерживание и стратегическую стабильность. Разумеется, любые соглашения в сфере ТЯО должны учитывать особенности геостратегического положения России и специфику этого класса оружия с точки зрения правил засчета и возможностей контроля.

ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА

В упомянутой выше работе «Новая военная реформа в России»⁹³ отмечались парадоксы, связанные с образованием Войск воздушно-космической обороны, которые заступили на боевое дежурство 1 декабря 2011 г. Неопределенность их функций и имеющегося потенциала сохраняется, а дискуссии по этим вопросам не прекращаются. Подробный анализ проблем ВКО изложен в работе генерал-полковника Виктора Есина⁹⁴. Здесь же отметим лишь следующее. В марте 2011 г., в соответствии с общей позицией Генштаба и ученых Академии военных наук,

орган управления ВКО должен был быть сформирован при Генеральном штабе, который призван управлять этим органом. Объясняется это тем, что Космические войска, по словам начальника Генштаба того времени, — это только один элемент в системе ВКО, которая должна быть многослойной по высотам и дальностям, интегрировать уже имеющиеся силы и средства. Выпуск необходимых технических средств должен был начаться с 2012 г.⁹⁵

Однако на состоявшемся в апреле 2011 г. заседании коллегии Министерства обороны было принято решение о создании Войск ВКО на базе Космических войск. Очень быстро это решение было оформлено президентским указом, причем, насколько известно, без обсуждения на Совете безопасности России и по существу в результате волевого решения министра обороны.

В состав Войск ВКО вошли: 1-й Государственный испытательный космодром «Плесецк»; Главный испытательный космический центр им. Г. С. Титова (Краснознаменск Московской области); Главный центр предупреждения о ракетном нападении (Солнечногорск Московской области); Главный центр разведки космической обстановки (Ногинск-9 Московской области); 9-я дивизия противоракетной обороны (Софрино-1 Московской области); три бригады ВКО (переданы из расформированного Оперативно-стратегического командования ВКО, входившего в состав ВВС); 45-я отдельная научно-испытательная станция (полигон «Кура» на Камчатке); Управление по вводу новых систем и комплексов (Красногорск Московской области); части обеспечения, охраны, специальных войск и тыла; Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского (Санкт-Петербург) с филиалами; Военно-космический кадетский корпус (Санкт-Петербург).

Задачи Войск ВКО должны включать в себя предупреждение о воздушно-космическом нападении противника, его отражение и оборону объектов страны, группировок Вооруженных сил и населения от ударов с воздуха и из космоса. При этом под средствами воздушно-космического нападения принято понимать совокупность аэродинамических, аэробаллистических, баллистических и космических летательных аппаратов, действующих с земли (моря), из воздушного пространства, из космоса и через космос.

Перечень этих средств лишний раз подчеркивает нецелесообразность объединения в одной структуре систем и средств ПРО и ПВО, поскольку слишком существенны различия, связанные с организацией функционирования этих систем, их информационными системами и автоматизированными системами боевого управления. Примером таких отличий является то, что боевое функционирование системы ПРО А-135 после того, как ее задействует боевой расчет, осуществляется в полностью автоматизированном режиме, без какого-либо вмешательства обслужива-

ющего персонала. Это обусловлено исключительно высокой скоротечностью процессов, происходящих при отражении ракетной атаки.

Убедительным примером этого является и отсутствие всякой связи между системой ПРО Москвы А-135 и задачами ПВО. Более целесообразным представляется включение органов и систем ПРО в Стратегические силы сдерживания, что было научно обосновано при не завершившемся их создании в 1991 и 1998 гг. Именно таким образом системы ПРО объединены с ядерной триадой в США⁹⁶.

Рассмотрим сегодняшний и перспективный потенциал систем и средств, включенных в состав Войск ВКО. Принятый в 1995 г. последний вариант системы ПРО А-135 для защиты Московского региона основан на ядерном перехвате. Система А-135 сохраняет в перспективе определенный модернизационный потенциал, но высотные противоракеты 51Т6 выведены из боевого состава, а применение остающихся противоракет 53Т6 с ядерными зарядами неприемлемо в новой военно-политической обстановке, поскольку вызовет многочисленные ядерные взрывы над своей территорией для перехвата боеголовок с неизвестными зарядами или даже без всякого заряда в случае провокационных пусков одной или нескольких ракет.

Информационные средства системы А-135 включают в себя две секторные радиолокационные станции (РЛС) «Дунай-3У» и «Дунай-3М» (в стадии восстановления), которые обеспечивают обнаружение атакующих баллистических целей и выдают на командно-измерительный пункт ПРО предварительные целеуказания, и многофункциональную РЛС «Дон-2Н» которая, используя предварительные целеуказания, обеспечивает захват, сопровождение баллистических целей и наведение на них противоракет.

После выхода США из Договора по ПРО было принято решение о глубокой модернизации всех структурных элементов системы ПРО А-135 с переходом на неядерный перехват⁹⁷, но это решение реализуется крайне медленно, отставание от плановых сроков составляет пять и более лет. Но даже после выполнения в полном объеме всех работ по модернизации система ПРО А-135 не обретет облика стратегической ПРО территории страны, она останется зональной противоракетной системой.

Системы типа «С-400 Триумф» располагают пока только противоракетами ПВО, и нет сведений об успешных испытаниях противоракет для перехвата реальных баллистических целей.

Что касается комплекса С-500 «Витязь», который планируют разработать к 2015 г., то процесс его создания и испытаний остается весьма неопределенным. Игорь Ашурбейли, руководивший разработкой систем ПВО и ПРО в концерне «Алмаз-Антей» до 2011 г., признал, что еще не закончен эскизный проект комплекса, а оборонные предприятия идут на подписание заведомо невыполнимых проектов, чтобы получить фи-

нансирование⁹⁸. Следует также учитывать проблемы обеспечения испытаний мишенями, имитирующими реальные баллистические цели. Насколько известно, мишени для летных испытаний комплекса С-500 может обеспечить в настоящее время и в перспективе только ракета «Тополь-Э», способная имитировать траектории полета ракет средней дальности. Для успешного завершения процесса натурных испытаний потребуется не менее десятка пусков ракеты «Тополь-Э», что повлечет за собой значительные финансовые затраты. Вслед за этим необходимо обеспечить развертывание серийного производства комплекса С-500.

При этом следует иметь в виду, что испытания американских систем ТНААД и «Aegis» продолжались 10—15 лет, но эффективность их, по мнению американских независимых экспертов, весьма сомнительна. Испытательный цикл отечественных систем ПРО с учетом ряда проблем потребует не меньше времени. Поэтому нереально рассчитывать на то, что до конца текущего десятилетия в России может быть обеспечено серийное производство и развертывание систем ПРО, сопоставимых хотя бы с уже существующими американскими.

Состояние и возможности эшелонов Системы предупреждения о ракетном нападении различны. Космический эшелон в составе четырех аппаратов на высокоэллиптических орбитах и одного аппарата, выведенного на геостационарную орбиту в 2012 г., позволяет контролировать пуски ракет главным образом с территории США и только в ограниченном объеме из океана. При создании в перспективе Единой космической системы обнаружения и управления ситуация может улучшиться.

Наземный эшелон СПРН находится в лучшем состоянии. На территории России действуют три относительно старых РЛС: в Оленегорске Мурманской области («Днепр-М»), в Печоре в Республике Коми («Дарьял»), в Мишелевке Иркутской области («Днепр-М») и одна новая в Лехтуси Ленинградской области («Воронеж-М»)⁹⁹. На территории Белоруссии имеется РЛС «Волга». Новые РЛС заводского изготовления «Воронеж-ДМ» возведены в Калининградской и Иркутской областях.

Вместе с тем до настоящего времени не разрешены две важнейшие проблемы, первая из которых — создание единой боевой информационно-управляющей системы ВКО и интеграция в единое разведывательно-информационное поле контроля воздушно-космического пространства всех имеющихся разнородных средств наблюдения и целеуказания. Вторая проблема — сопряжение разведывательно-информационных средств космического командования и командования противовоздушной и противоракетной обороны созданных Войск ВКО, поскольку эти средства не образуют единого поля контроля воздушно-космического пространства.

Это исключает возможность применения ударных средств перехвата баллистических целей с использованием внешних источников целеуказания, как это имеет место в американской глобальной системе ПРО, что существенно сужает боевые возможности системы ВКО¹⁰⁰. Открытой информации по требуемым для этого ассигнованиям и реальным срокам завершения всех работ нет.

Таким образом, формирование ВКО по функциям и составу нельзя считать закончившимся процессом. Более того, создание сплошной противовоздушной и противоракетной защиты всей территории России с учетом необходимых ресурсов невозможно даже теоретически. Поэтому целесообразно прежде всего дальнейшее развитие противовоздушной обороны для защиты объектов стратегических сил по мере их сокращения, что гарантирует стратегическую стабильность.

Также необходима оборона административно-политических и промышленных центров, жизненно важных ядерных и других объектов инфраструктуры от одиночных или групповых ударов со стороны безответственных режимов и террористов. Сохранится важная роль ПВО для прикрытия группировок войск и сил на возможных театрах военных действий.

По мере развития отечественных систем ПРО они могли бы подключаться к защите перечисленных выше объектов.

ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

В упомянутой выше статье Владимира Путина сказано: «Идет серьезная реформа военного образования. Формируется 10 крупных научно-учебных центров. Все эти учреждения встроены в жесткую вертикаль и в зависимости от прохождения службы дают офицерам возможность постоянно повышать свой профессиональный уровень». И далее: «Без серьезного развития военных исследований не может быть ни эффективной военной, ни военно-технической доктрины, не могут эффективно работать структуры Генерального штаба. Мы должны восстановить потерянные компетенции военных институтов, интегрировать их с развивающейся системой военного образования»¹⁰¹. Как известно, это направление военного реформирования новым руководством Министерства обороны остановлено, происходит переоценка его целесообразности и частичный возврат к прежним структурам. О развале военных вузов и НИИ написано и сказано достаточно много¹⁰².

Теоретически объединение военных вузов и НИИ в центры, как это происходило в США и ряде других стран, представляется небесполезным. Но там для этого были достаточно устойчивые предпосылки, и процесс занимал продолжительное время. Тем не менее основная часть научных центров и военных учебных заведений США остались самостоятельными, объединение их не затронуло. В интегрированном виде существуют главным образом американские университеты с научными центрами как составной их частью. При этом многие офицеры, включая несущих боевое дежурство на командных пунктах стратегических ядерных сил, являются выпускниками университетов, получившими военную подготовку в течение примерно одного года на специальных курсах. У России совершенно другой опыт, во многом положительный, и спонтанно его разрушать нельзя.

Позитивный эффект от интеграции вузов и НИИ заключается в том, что учебные заведения находятся в условиях постоянной подпитки новыми научными и технологическими знаниями, создаваемыми в научных центрах, которые выполняют оборонные и гражданские заказы правительства и крупных корпораций.

В России в ходе «реформы Сердюкова» интеграцию стали вершить нахрапом без всякой проработки, с непрерывной чехардой и шараханьем из одной крайности в другую. НИИ Минобороны то преобразовывали в полностью гражданские с увольнением сотен и тысяч офицеров-исследователей, то снова набирали в них офицеров. Теперь этот процесс совершенно правильно остановлен, но многое, к сожалению, необратимо потеряно или крайне трудно восстановить. Прежде всего это касается невозможной потери квалифицированных кадров в институтах и вузах. Ситуация осложняется еще и тем, что проблема снижения уровня квалификации в ряде вузов достаточно застарелая, процесс шел не одно десятилетие. Можно привести пример Академии РВСН, тогда им. Ф. Э. Держинского. Кафедры ее всегда возглавляли ученые союзного уровня, профессора, имена которых были широко известны не только в военных кругах, авторы многих фундаментальных трудов по своим специальностям. Но к 1991 г. на должности начальников ведущих кафедр из-за нехватки кадров приходилось привлекать из НИИ только что защитившихся кандидатов наук.

В последние четыре года процесс деградации профессорско-преподавательского состава принял обвальный характер. Оставшиеся в вузах и НИИ квалифицированные ученые просто физически не могли переезжать из одного города в другой. Так, известный НИИ медико-биологических проблем ВВС планировали переместить из Москвы в Лисий Нос под Петербургом, хотя там для него не было помещений. И еще предложили всем ученым института поддержать это решение.

Чтобы объединить подготовку кадров и исследовательскую работу, необходимо создать соответствующие условия. В центральных и ви-

довых НИИ Минобороны всегда проводились глубокие исследования перспектив развития ВиВТ. В комплексных научно-исследовательских работах разрабатывали проекты основных направлений развития вооружений на 15 лет вперед, в которых обосновывались достижимые уровни ВиВТ с учетом возможностей отечественного ОПК, мирового опыта и прогноза уровней финансирования. Другими словами, специалисты НИИ, как правило, находятся на острие технического прогресса, и передача подобных знаний учащимся позволяет значительно поднять уровень их подготовки.

Однако условия для такого взаимодействия создать весьма сложно, во многом из-за территориальных проблем. Организовать такую связь через Интернет невозможно с учетом режима секретности в военных НИИ и вузах. Но даже при относительной территориальной близости необходимо решить вопрос о создании стимулов для профессорского состава учебных заведений и ученых институтов.

В связи с изложенным в качестве первоочередных шагов целесообразно было бы предпринять все возможные усилия с использованием материальных стимулов для возвращения опытных высококвалифицированных ученых в учебные заведения и институты. Не исключено, что хотя бы частично эту задачу можно решить. В дальнейшем с ужесточением требований к квалификации специалистов возможно будет постепенно решать задачи интеграции исследовательской и учебной деятельности.

ПРОГРАММА ВООРУЖЕНИЙ И ЭКОНОМИКА

Как отмечалось в предыдущей работе авторов¹⁰³, за годы реформы в рамках федеральной целевой программы по развитию ОПК были достигнуты определенные позитивные результаты. Закуплены современные технологические линии для ряда ключевых научно-производственных объединений, связанных с разработкой и изготовлением автоматизированных систем управления, высокоточного оружия, космических систем и др. В ряде отраслей началось постепенное обновление и омоложение кадров.

Принятая в 2011 г. Государственная программа вооружений до 2020 г. не может не впечатлять. Конечно, намеченные объемы закупок вооружений и военной техники значительно меньше, чем во времена холодной войны, но после ее окончания данная программа стала бес-

прецедентной и превосходит планы США, любой другой страны НАТО или Японии.

Основные параметры ГПВ-2020 таковы. Вооруженные силы получат около 100 военных космических аппаратов, более 400 стратегических баллистических ракет наземного и морского базирования, 8 стратегических ракетных подводных лодок проекта 955 («Борей»), около 20 атомных и дизель-электрических многоцелевых подводных лодок, более 50 надводных кораблей, более 600 военных самолетов и 1000 вертолетов, 28 полковых комплектов зенитных ракет С-400 «Триумф» и 38 дивизионных комплектов зенитно-ракетных комплексов С-500 «Витязь» (в общей сложности около 3000 ракет), 10 бригадных комплектов оперативно-тактической ракетной системы «Искандер» (более 200 ракет), свыше 2300 танков, около 2000 единиц самоходной артиллерии и ракетных систем залпового огня, более 17 000 единиц военной автомобильной техники¹⁰⁴. Поставлена задача к 2015 г. иметь на вооружении не менее 30%, а к 2020 г. — 70% новых вооружений и военной техники. Общая стоимость этой программы — 23 трлн руб., в том числе 19,5 трлн пойдет на закупку ВиВТ для армии и флота.

Насущная необходимость технического перевооружения ВС не вызывает сомнений, особенно в свете глубокого сокращения государственного оборонного заказа (ГОЗ) в условиях затяжного экономического кризиса и стагнации 1990-х годов и провала всех без исключения программ вооружения вплоть до ГПВ-2015 (ее коэффициент выполнения по количеству ВиВТ был 10% и ниже).

Тем не менее нынешняя программа вызывает сомнения по меньшей мере в трех аспектах.

СИСТЕМА ВЫРАБОТКИ РЕШЕНИЙ ПО ПРОГРАММЕ ВООРУЖЕНИЯ

Остается закрытым и абсолютно неясным механизм разработки и осуществления программы вооружения, при котором все вопросы решаются в закрытом порядке и в узком кругу, вне контекста ясной и разумной военной доктрины и стратегии, когда ставится задача готовиться к войнам любого типа и с любыми противниками. Кроме того, провалы всех программ конверсии не позволяют оставлять крупные (особенно градообразующие) оборонные предприятия без госзаказа, даже если их продукция не нужна или не по средствам армии. Таким образом, ГОЗ становится не только и не столько инструментом технического оснащения ВС, сколько средством поддержания отраслей промышленности и зависящих от нее городов и социальной инфраструктуры. Видимо, в таких условиях большое влияние на ГОЗ и государственную програм-

му вооружений оказывают политические соображения, групповые интересы, лоббирование промышленных коопераций, регионов и индустриальных городов.

В рамках сложившегося механизма принятия решений трудно делать рациональный выбор между разными системами оружия и программами на основе анализа соотношения «стоимость — эффективность», сосредоточить ресурсы на том, что действительно необходимо для обороны. В результате средства распыляются тонким слоем по множеству программ и проектов, не принося нужного эффекта и вызывая огромные дополнительные затраты на обучение по использованию и эксплуатации множества типов ВиВТ.

Россия, имея военный бюджет примерно в девять раз меньший, чем у США (в 2013 г. соответственно 71 и 630 млрд долл.), и сопоставимый с оборонными расходами Великобритании, Франции и ФРГ (соответственно 59, 58 и 45 млрд долл.), одновременно закупает больше типов вооружений, чем любая из названных ведущих военных держав, а в ряде случаев — больше, чем все они вместе взятые. Это относится к стратегическим ядерным силам и воздушно-космической обороне, но в еще большей мере — к силам общего назначения.

Например, в России для собственных нужд, помимо экспорта, параллельно продолжается производство новых фронтовых бомбардировщиков Су-34, истребителей Су-35С и Су-30СМ, палубных истребителей МиГ-29К. Продолжаются испытания и намечена закупка истребителя пятого поколения ПАК ФА — Т-59-4. Параллельно ведется глубокая модернизация боевых самолетов МиГ-31БМ, Су-25СМ и Су-24М, а также средних бомбардировщиков Ту-22М3. Идет производство вертолетов Ми-26, Ми-8МВТ5, Ми-8АМТШ, Ми-38, Ка-52, Ми-28НМ. Для транспортной авиации строятся самолеты Ил-76МД-90А, Ан-140-100 и Ту-154М¹⁰⁵.

Между тем авиация — исключительно дорогостоящий и технически сложный вид обычных вооружений — первостепенное средство обеспечения победы в локальных конфликтах современности. Ни Соединенные Штаты, ни любая другая страна НАТО или кооперация государств Евросоюза, имея во много раз большие бюджеты, чем Россия, не могут позволить себе одновременное производство (или импорт) более одной системы боевых самолетов. Например, США в 2009 г. отменили производство параллельно двух новейших систем истребителей пятого поколения F-22 и F-35, причем закупка первых была сокращена вдвое (с 380 до 187 единиц), чтобы перейти к производству более простого и дешевого самолета второго типа, лучше подходящего для войн малой интенсивности¹⁰⁶. В военно-транспортной и вертолетной авиации они тоже не допускают такого разнообразия. Европейские союзники Вашингтона или покупают самолеты в США, или закупают совместно разработан-

ный «Еврофайтер» («Тайфун»), и только Франция индивидуально создаст один новый тип истребителя-бомбардировщика («Рафаэль»).

Испытывая оправданную гордость за возрождение отечественного авиастроения, нельзя избавиться от тревоги за этот раздел ГПВ-2020. Ведь не надо быть летчиком или конструктором, чтобы понимать, что за те же деньги и при данном техническом уровне один или два типа самолетов одного класса будут иметь преимущество по качеству и себестоимости, чем четыре или пять.

Не лучше ситуация в ВМФ. В течение десятилетия планируется ввод в строй трех типов подводных лодок: стратегических атомных ракетносцев (8 лодок проекта 955 «Борей»/«Юрий Долгорукий»), новых многоцелевых АПЛ (7 атомоходов проекта 885 «Ясень»), а также 13 дизель-электрических подводных лодок¹⁰⁷. В рамках программы строительства надводного флота предполагается спускать на воду в среднем по 7 кораблей в год.

Для сравнения: ведущая морская держава мира США в прошлом отменила дорогостоящий проект многоцелевой АПЛ «Сивулф» и строит атомные лодки только одного класса и типа («Вирджиния») ¹⁰⁸. Планируется вводить в строй в среднем по 6 надводных кораблей ежегодно ¹⁰⁹. Правда, среди них один атомный авианосец (от второго скорее всего откажутся) ¹¹⁰. Но в этом российский ВМФ стремится не отстать и усиленно лоббирует строительство авианосцев начиная с 2020 г. ¹¹¹

Не меньшая многотипность характерна для программ закупок бронетехники, артиллерийских и зенитных систем Сухопутных войск.

Высокая (во многих случаях абсолютная) степень монополизации в оборонных отраслях, отсутствие конкуренции, архаичная и необоснованная система ценообразования наряду с общим старением производственных фондов и персонала ограничивает возможности увеличения объемов производства и уровень качества продукции соразмерно повышению ассигнований. Рост финансирования зачастую влечет только рост себестоимости продукции при недостаточно высоком ее качестве.

Как и раньше, приоритет отдается закупкам вооружения и военной техники в ущерб научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам (НИОКР), на которые выделяется всего 10% (2 трлн руб.) ГПВ 2020¹¹². Необходимо особо подчеркнуть, что в связи с нарастающим технологическим отрывом оснащенности ВС России современными и перспективными вооружениями и военной техникой от ведущих стран догоняющая модель является по большинству направлений модернизации несостоятельной.

В развитии систем оружия качественно нового типа Россия все больше отстает от США, их союзников, а в последнее время даже от Китая. Нет уверенности в том, что реальные (в отличие от декларативных) плоды военной реформы 2008—2012 гг. и грандиозная програм-

ма перевооружения (ГПВ-2020) способны переломить эту тенденцию. Запланированный вал производства бронетанковой техники, боевой авиации, кораблей и подводных лодок, ракет и антиракет вовсе не обязательно выведет российские Вооруженные силы на качественно новый уровень.

Делая растущий упор на ядерном сдерживании США (разработка новой жидкостной МБР, программа строительства 8 подводных ракетоносцев, проект перспективного тяжелого бомбардировщика), Россия все больше отстает в развитии информационно-управляющих систем, необходимых для боевых операций будущего, в создании высокоточных наступательных и оборонительных неядерных вооружений большой дальности. Развертывая малоэффективную воздушно-космическую оборону против НАТО, Россия не обретет надежной защиты от ракетных и авиационных ударов безответственных режимов и террористов с южных азимутов.

Российские ВВС будут обновляться многочисленными типами боевых самолетов, для которых может не оказаться высокоточных неядерных средств большой дальности для ударов извне зон ПВО противника. Бронетанковая техника Сухопутных войск (которую намечено закупать в среднем в количестве 260 танков ежегодно), по признанию высокопоставленных чиновников Минобороны, значительно отстает от нового поколения танков стран Запада, использующих передовые информационно-управляющие системы¹¹³. Но в то же время российская бронетехника не имеет эффективной защиты от мин и переносных противотанковых управляемых снарядов, что необходимо для борьбы с вооруженными экстремистами. Ракетно-артиллерийские системы впечатляют своей огневой мощностью, но не обладают достаточной дальностью и избирательной точностью стрельбы (ориентируясь на массированный огонь по площадям)¹¹⁴.

Поддерживая большую по численности (1 млн человек) и паркам оружия армию, Россия катастрофически проигрывает в стратегической мобильности, которая необходима ввиду размера ее собственной территории и прилегающих зон ответственности в СНГ-ОДКБ (учения «Запад-2009» показали, что переброска одной бригады на расстояние 1000 км заняла пять суток. Ее перевозка из центральной части на Дальний Восток по Транссибу заняла бы два с половиной месяца¹¹⁵). Внедрению новых сложных систем оружия и боевой техники, методам ведения интенсивных операций не соответствует план сохранения более 30% личного состава на базе призывников с 12-месячным сроком службы.

Все это может снизить возможности России по эффективному применению силы в вероятных конфликтах в зоне южных и восточных рубежей страны, в дальнем зарубежье для миротворческих задач и борьбы с угрозами нового типа. Россия в очередной раз рискует потратить

огромные ресурсы в подготовке к прошлым войнам и окажется не готова к реальным вооруженным конфликтам будущего. Решение президента и нового министра обороны о создании нового рода войск, Сил специальных операций (ССО) на базе ВДВ, морской пехоты и подразделений ВВС, — абсолютно правильный шаг¹¹⁶, но этого может оказаться недостаточно для парирования новых угроз. Их недооценка дорого обошлась СССР в Афганистане, России в Чечне, а потом Соединенным Штатам в Ираке и Афганистане.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Складывается впечатление, что намеченная ГПВ-2020 не вполне реалистична в финансовом отношении. Количества и сроки внедрения новых вооружений и военной техники не соответствуют возможностям оборонной промышленности и не учитывают быстрый рост цен на ее продукцию. Хотя основные расходы по программе планируются на период после 2013 г., едва ли можно рассчитывать, что промышленность сможет увеличить производство ВВТ в разы или даже на порядок, как следует из опубликованных плановых показателей.

Масштабные хищения государственных средств в рамках распродажи военного имущества, недвижимости и земельных угодий через посреднические акционерные общества «Оборонсервиса», махинации ОАО «Военторг» в ходе строительства жилья для военнослужащих по завышенным более чем вдвое ценам (по сравнению с рыночной стоимостью)¹¹⁷, что стало поводом для отставки министра обороны Сердюкова и ареста ряда его ближайших подчиненных, — все это далеко не полная картина коррупции. Обширное поле коррупции — в оборонном заказе, где «откаты» даже по официальным данным военной прокуратуры составляют 20%, а по неофициальным оценкам еще больше.

Нескончаемый спор Минобороны с промышленностью из-за цен на военную продукцию коренится не только в несовершенной системе ценообразования, несвоевременной предоплате, которая заставляет корпорации обращаться в банки (подчас связанные с чиновниками) за коммерческими кредитами, или в отсутствии должного контроля над стоимостью и качеством продукции приватизированных фирм-субподрядчиков. Огромные «откаты» в конечном счете закладываются в стоимость военной техники. Понятно поэтому, что директора «оборонки» не могут удовлетворить требования Минобороны о раскрытии своей схемы ценообразования из-за вполне вероятных для них уголовных последствий.

Хотя в 2011 г. кризис между военными и промышленностью из-за цен на продукцию был урегулирован, нет уверенности, что он не возник-

нет снова, когда от обороны потребуют скачкообразного наращивания производства после 2013 г. Покончить с практикой преднамеренного завышения цен на продукцию и «откатов» в контексте госзакупок в рамках существующей системы невозможно, поскольку в этом суть ее функционирования, особенно в военной сфере с ее всеобъемлющей секретностью и кулуарным способом принятия решений. А для изменения системы, кроме кадровых и административных перестановок внутри Минобороны, пока мало что сделано.

Возможно, соответственно сложившейся практике «наплывающих» друг на друга ГПВ нынешняя программа будет скорректирована через растягивание сроков намеченного производства ВиВТ в рамках следующей ГПВ-2015—2025.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Программа вооружений недостаточно реалистична и в макроэкономическом плане. Запланированный рост затрат на НИОКР и закупку вооружений в рамках ГПВ-2020 предполагает общий объем военного бюджета примерно в 6 трлн руб. в 2020 г. Но если этот объем, как заявлено, не превысит 3,5—4% ВВП, то в том же году российский ВВП должен достичь 150 трлн руб., т. е. увеличиться в два с половиной раза по сравнению с 2012 г. (60 трлн руб.)¹¹⁸. Это предполагает темпы экономического роста выше, чем китайские, чего не обещают даже самые оптимистически настроенные экономисты.

Если принять наиболее благоприятные прогнозы темпов роста экономики (ввиду ее экспортно-сырьевого характера) порядка 4% в год, то ВВП в 2020 г. составит только 100 трлн руб., т. е. на 30% меньше желаемого¹¹⁹. В итоге придется или ГПВ-2020 по ходу дела свертывать с огромными издержками для обороны, или пойти на гораздо бóльшую долю военных расходов, чем 4% ВВП, за счет урезания и без того скудных гражданских статей федерального бюджета: социального обеспечения, здравоохранения, образования, науки и культуры, что происходит уже сейчас. Превышение 4% ВВП для нужд обороны в мирное время чревато крайне негативными последствиями для гражданской экономики и ростом социального напряжения.

Наконец, военная программа связана с несостоятельной, но вновь популярной идеей, что военные заказы и возрождение обороной промышленности станут локомотивом общего экономического подъема. Если это так, то почему развалилась экономика СССР, построенная именно вокруг военно-промышленного комплекса, но оказавшаяся не способной удовлетворить растущие потребности мирных граждан, а в конечном счете не сумевшая создать и новейшие виды оружия? Причем про-

изошло это в условиях все еще во многом закрытой экономики, когда у потребителя не было альтернативы в виде многообразия импортных товаров и услуг. Впредь такая система невозможна, а импортные пошлины придется снижать ввиду вступления России в ВТО.

В ведущих военных державах технические инновации из динамичной гражданской экономики и науки, особенно средних и малых инновационных компаний, в гораздо большей мере питают военную промышленность и науку, чем наоборот¹²⁰. Гособоронзаказ, безусловно, имеет большое значение для поддержки конкретных предприятий, особенно в моногородах, но его мультипликационный экономический эффект для остальной экономики является временным и локальным. Высокие технологии и инвестиции не пойдут из «оборонки» в гражданскую экономику по той же причине, по которой сейчас российские частные капиталы и изобретения не идут в экономику страны, а уплывают за рубеж.

Причина — в дефиците гарантий неприкосновенности материальной, финансовой и интеллектуальной собственности из-за отсутствия безусловно независимых суда и арбитража, правоохранительных органов, которые могли бы обеспечить равенство всех юридических и физических лиц перед законом.

Не имея гарантий сохранности долгосрочных инвестиций, частный капитал не будет внедрять инновации из ОПК в гражданскую экономику, даже если их продадут военные фирмы и конструкторские бюро. А внедрение высоких технологий в гражданскую экономику со стороны государственных компаний вновь повлечет создание неэффективных заводов-гигантов, затоваривающих рынок никому не нужной продукцией низкого качества. Время сталинских индустриальных пятилеток на основе государственного плана (в том числе по поставкам рабских трудовых ресурсов ГУЛАГа) безвозвратно ушло. Его не возродить в эпоху сплошной компьютеризации и перманентной информационной революции, открытого общества и глобализации.

Без модернизации политической и социально-экономической системы нельзя сделать ГПВО-2020 и «оборонку» двигателем российской экономики, а если систему изменить, этого не потребуется. В последнем случае инновационная гражданская экономика сама станет мощным источником роста эффективности военной промышленности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иногда высказывается мнение, что военная реформа 2008—2012 гг. состояла по существу из двух реформ. Одна, под руководством министра обороны Анатолия Сердюкова, была нацелена на радикальное сокращение и распродажу объектов, земельных угодий, недвижимости, материальных запасов Минобороны. Другая, под руководством начальника Генштаба Николая Макарова, была направлена на радикальное изменение структуры, системы управления, технического оснащения и других аспектов существования и развития армии и флота.

В первом случае, очевидно, удалось продвинуться очень далеко. Однако в отсутствие строгой системы контроля со стороны парламента, финансовых органов и общественности это, естественно, повлекло огромные и неоправданные издержки, злоупотребления, хищения средств, о которых только начинают поступать сведения в ходе открытых уголовных дел. Далеко не ясно, как использовались полученные от массовой распродажи деньги и насколько они улучшили положение Вооруженных сил. Прекращение этого процесса новым министром обороны совершенно оправданно, но значительных материальных и финансовых потерь теперь не восполнить.

По второму направлению результаты весьма неоднозначны. Как отмечалось в прошлой работе авторов, многие направления реформирования были обоснованы и давно назрели. В частности, это отказ от концепции мобилизации и упразднение кадрированных соединений и частей, сокращение численности ВС и парков устаревшей военной техники, разукрупнение соединений и частей, перевод всех их в состояние постоянной готовности, создание ОСК вместо военных округов, улучшение боевой подготовки и технической оснащенности войск и сил, расширение контрактного комплектования личного состава, исправление перекосов в структуре личного состава, повышение денежного довольствия и пр.

В то же время как в концепции реформы, так и в ее практическом осуществлении было и есть немало просчетов, нестыковок и больших издержек. Далеко не все из них можно устранить путем «тонкой шлифовки», пользуясь метафорой президента Путина. Некоторые направления и решения потребуют от политического руководства и нового министра обороны основательного пересмотра и исправления ошибок.

1. Несомненно, важными достижениями реформы является значительное повышение денежного довольствия военнослужащих, интенсификация учений, большие капиталовложения в обновление фондов и кадров ОПК, улучшение тыловой инфраструктуры войск и сил, отказ от дивизий неполного состава, сокращение частей и разукрупнение

соединений, улучшение материально-технического состояния и ряд программ технического переоснащения Вооруженных сил, создание Сил специальных операций. В этих областях нужно дальнейшее совершенствование («тонкая шлифовка») практических мероприятий, механизмов и норм.

2. Гораздо больше вопросов вызывают такие направления, как коммерциализация и передача гражданским организациям тылового обеспечения и обслуживания войск («аутсорсинг»), чрезмерное сокращение центрального аппарата управления. Здесь требуются объективная оценка результатов и при необходимости существенные изменения, не «шлифовка», а скорее «переработка» политики.

3. Совершенно ошибочными представляются «реформы» военной медицины, высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, бездумное сокращение военных городков, перенос Главного штаба ВМФ в Петербург. Многие из этих шагов нанесли необратимый ущерб. Новый министр обороны правильно остановил такие действия, но ему предстоит разработать комплекс «спасательных мероприятий».

4. Система приоритетов военной политики с упором на ядерное сдерживание и воздушно-космическую оборону не отвечает перво-степенным реальным угрозам безопасности России, которые требуют кардинального повышения эффективности сил общего назначения в проведении локальных операций нового типа, прежде всего на южном и юго-восточном направлениях, а также в рамках коллективного миротворчества.

5. Мероприятия по оптимизации численности и реформированию системы комплектования Вооруженных сил, способы преобразования и сокращения офицерского корпуса и контрактного контингента в целом потерпели неудачу и повлекли большие издержки, как и попытка создать ВС постоянной готовности. В этой области тоже необходимы коренные перемены: сокращение численности Вооруженных сил примерно до 800 тыс. человек, отказ от призыва и переход на контрактный рядовой состав в течение двух-трех лет, причем это не повлечет больших экономических затрат и в перспективе может дать экономию финансовых средств.

Жилищная программа, несмотря на огромные финансовые вливания, не достигла поставленных целей и повлекла крупные хищения и растраты государственных средств. Новый министр обороны принял правильную концепцию выдачи увольняемым офицерам денег на покупку жилья, но эта концепция требует тщательной практической проработки.

6. В части структурных преобразований ВС линия на создание четырех ОСК к настоящему моменту тоже потерпела фиаско. Недопустимо их совмещение с укрупненными военными округами, когда в одних руках остаются задачи по административно-хозяйственной деятельности

и связанные непосредственно с функционированием ОСК. Нужно преодолеть сопротивление ведомств и довести эту линию до конца — ориентировать ОСК всецело на оперативное руководство и подготовку войск и сил к ведению боевых действий нового типа.

7. Недостаточно рациональны планы модернизации стратегической триады, как и распределение средств между программами вооружений и информационно-управляющей системой. Целесообразно возродить, с теми или иными коррективами, концепцию Объединенного главного командования стратегическими силами сдерживания для оперативного управления ядерной триадой. Главный акцент в модернизации СЯС следует сделать на ускоренном развертывании системы МБР «Ярс» и не возвращаться к практике распыления средств между многочисленными системами оружия.

8. Образование Войск ВКО и программа воздушно-космической обороны не подчинены ясным военным задачам, не имеют логичной структуры управления и единой информационной системы, не согласованы с экономическими и военно-техническими возможностями страны. В ближайшее время нужно сосредоточиться на развитии противовоздушной обороны для защиты объектов стратегических сил в целях укрепления стратегической стабильности и для обороны административно-политических и промышленных центров, других жизненно важных объектов от одиночных или групповых ударов со стороны безответственных режимов и террористов. По мере развития отечественных систем ПРО их следует подключать к выполнению этих задач ВКО.

9. Государственная программа вооружения ГПВ-2020 не вполне соответствует выделяемым ассигнованиям и производственным возможностям ОПК, особенно с учетом неустойчивой системы ценообразования и распыления средств среди многочисленных типов закупаемых систем вооружений и техники. Урезание ассигнований на НИОКР обрекает Россию на догоняющую модель военного развития, увеличение отставания от ведущих держав по самым передовым направлениям военно-технического развития, в первую очередь по информационно-управляющим системам, высокоточным обычным вооружениям и беспилотным летательным аппаратам.

10. Чтобы покончить с практикой преднамеренного завышения цен на продукцию и «откатов» в контексте ГОЗ и ГПВ, распыления средств между множеством типов ВиВТ и снижения их качества, необходимо основательно пересмотреть всю систему принятия решений и осуществления программы вооружения. Эта система должна стать более открытой, конкурентной и обоснованной с точки зрения соотношения «стоимость — эффективность» систем ВиВТ, подлежать постоянному контролю со стороны парламента и незаинтересованных исполнитель-

ных структур, которые уменьшили бы роль лоббирования ведомственного, корпоративного и регионального характера.

Целесообразно возродить практику образования специальных комиссий в составе авторитетных независимых специалистов для представления рекомендаций президенту по основным направлениям развития военной техники и отдельных крупных систем оружия. Императив существенного повышения ассигнований на НИОКР предполагает создание структуры объективной оценки перспективных технических проектов и контроля их осуществления. Следует заблаговременно скорректировать ГПВ-2020 на основе реалистических прогнозов экономического развития страны с учетом возможностей оборонной промышленности и на базе прагматической оценки первоочередных задач армии и флота.

11. Несмотря на ряд позитивных сдвигов в последнее время, тяжелым остается состояние ОПК, его основных фондов и кадров. Пока не удастся адаптировать оборонную промышленность к рыночной экономике и даже к растущему военному бюджету страны.

В отмеченных областях новому политическому руководству и министру обороны предстоит большая работа по непредвзятой оценке достигнутых за последние четыре года результатов и принятию решений для скорейшей коррекции военной политики и реформы.

12. Изменения российского внешнеполитического курса, произошедшие в последнее время и направленные на дистанцирование от США и их союзников, в том числе по проблемам ограничения вооружений, не соответствуют интересам реальной экономической модернизации страны и укрепления ее безопасности и международного влияния. Как внешняя, так и военная политика России нуждается в весьма существенном пересмотре.

Вместе с тем и Западу предстоит серьезная переоценка своей внешней политики. Отношения США и их союзников с нынешним российским руководством начались не в 2012 г. и закончатся не в 2016 г., когда уйдет администрация президента Обамы. Крупные ошибки, допущенные со стороны НАТО в 2000—2008 гг., требуют глубокого осмысления: из них руководству Альянса нужно извлечь соответствующие уроки. То же относится к просчетам Запада более позднего времени: в отношении к «арабской весне», в развитии новых оборонительных и наступательных систем оружия без должного учета озабоченностей России, в подходе к ее внутривнутриполитическим делам.

В современном мире сотрудничество с Москвой в области ядерного нераспространения — и международной безопасности в целом — объективно является для долгосрочных интересов США и их союзников важнейшим императивом. Его не заменят ни отношения с другими державами, ни самые передовые военно-технические проекты и программы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Болтенков Д. Е., Гайдай А. М., Карнаухов А. А., Целуйко В. А. Новая армия России / Под ред. М. С. Барабанова. — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2010. — С. 6.
- 2 Послание президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. // <http://www.kremlin.ru/news/9637>.
- 3 Цит. по: Литовкин В. Н. Тонкая настройка сложного механизма // Независимое воен. обозрение. — 2013. — 8—14 марта. — № 8.
- 4 См. мнение В. В. Шлыкова: Мировой опыт и военная реформа в России // Индекс безопасности. — 2011. — № 1 (96). — С. 132.
- 5 Послание президента Федеральному Собранию.
- 6 См.: Военная реформа 2008—2020: цифры и факты // Индекс безопасности. — № 1 (96). — С. 36, 38.
- 7 См.: Арбатов А., Дворкин В. Новая военная реформа России. — М., 2011. — (Рабочие материалы / Моск. Центр Карнеги; № 2) (http://carnegieendowment.org/files/WP2-2011_military_rus.pdf).
- 8 См.: Зюганов Г. А. Возродить авторитет Вооруженных сил: конкретные предложения по военному строительству // Воен.-пром. курьер. — 2012. — 19 дек.
- 9 Арбатов А., Дворкин В. Указ. соч.
- 10 Медведев Д. А. Россия, вперед! 10 сентября 2009 г. // <http://www.kremlin.ru/news/5413>.
- 11 Выступление на совещании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях. 12 июля 2010 г. // <http://news.kremlin.ru/transcripts/8325>.
- 12 Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. // http://news.kremlin.ru/ref_notes/461.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Выступление на совещании с российскими послами...
- 18 Договор СНП предусматривал сокращение стратегических вооружений каждой стороны до 1700—2200 ядерных боезарядов.
- 19 Цит. по: Jones G. Putin Softens on NATO // Moscow Times. — 2001. — Oct. 4.
- 20 Халидов Д. Ш. Сирия — экзамен для Кремля: арабские революции должны стать уроком для российской власти // Воен.-пром. курьер. — 2013. — 6 февр. — № 5 (473).
- 21 Концепция внешней политики Российской Федерации // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 В. В. Путин встретился в г. Сарове с экспертами по глобальным угрозам национальной безопасности, укреплению обороноспособности и повышению боего-

- товности Вооруженных сил Российской Федерации. 24 февраля 2012 г. // <http://government.ru/special/docs/18248/>.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 *Путин В. В.* Быть сильными: гарантия национальной безопасности для России // Рос. газ. — 2012. — 20 февр. (<http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>).
- 29 Выступление на совещании с российскими послами...
- 30 *Shultz G. P., Perry W. J., Kissinger H. A., Nunn S.* A World Free of Nuclear Weapons // The Wall Street J. — 2007. — Jan. 4; *idem.* A Toward a Nuclear-Free World // The Wall Street J. — 2008. — Jan. 15 (см. все совместные статьи этих авторов: Wall Street Journal Op-Eds / Nuclear Security Project // <http://www.nuclearsecurityproject.org/publications/wall-street-journal-op-eds>).
- 31 *Велихов Е. П., Моисеев М. А., Иванов И. С., Примаков Е. М.* От ядерного сдерживания к общей безопасности // Известия. — 2010. — 15 окт. (<http://izvestia.ru/news/367072>).
- 32 *Гареев М. А.* На пороге эпохи потрясений: для обеспечения безопасности требуется объективная оценка угроз // Воен.-пром. курьер. — 2013. — 23 янв. — № 3 (471).
- 33 *Сивков К. В.* Обоснование численности ВС России: большинство реформ российской армии сводилось в основном к уменьшению количества ее личного состава // Воен.-пром. курьер. — 2012. — 26 дек. — № 51 (468).
- 34 *Комоедов В. П.* Что угрожает России: страна после 2015 года может оказаться в центре ожесточенной схватки за природные богатства // Воен.-пром. курьер. — 2013. — 27 февраля. — № 8 (476).
- 35 Нынешние 28 членов Альянса имеют в Европе на 40% меньшую численность личного состава, на 35% меньше сухопутных войск, на 30% меньше военно-морских сил и на 40% меньше боевой авиации, чем 16 стран-членов в начале 90-х годов прошлого века. Американские войска на континенте за тот же период уменьшились втрое, а по некоторым параметрам (таким, как сухопутные войска) — в десять раз.
- 36 В общей сложности силы НАТО отстают от потолков изначального Договора об обычных вооруженных силах в Европе по личному составу на 42%, по бронетехнике и артиллерии на 25%, по боевым вертолетам и самолетам на 45%.
- 37 *Барабанов М. С.* Критический взгляд на ГПВ-2020 // Воен.-пром. курьер. — 2013. — 8 янв. — № 1 (469); *Мухин В. Г.* Социально урезанный оборонный облик // Независимое воен. обозрение. — 2012. — 2 нояб. (http://nvo.ng.ru/forces/2012-11-02/1_oblik.html); *Пожаров А. И.* Экономика России в начале XXI века: как она повлияла на обороноспособность и национальную безопасность страны // Воен.-пром. курьер. — 2013. — 8 янв. — № 1 (469).
- 38 См.: Военная стратегия / Под. ред. В. Д. Соколовского. — М.: Воениздат, 1963.
- 39 Послание президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г. // <http://news.kremlin.ru/transcripts/17118>.
- 40 *Мухин В. Г.* Указ. соч.
- 41 См. интервью бывшего первого заместителя министра обороны В. А. Поповкина: Мы не можем позволить себе закупать плохое вооружение // Воен.-пром. курьер. — 2011. — 2 марта. — № 8 (374). Он, в частности, сказал: «У нас есть планы разработки и создания тяжелой жидкостной МБР для замены существую-

- щей тяжелой жидкостной ракеты “Воевода”... Недаром американцы больше всего боялись нашей тяжелой ракеты “Воевода”, которую они называли “Сатаной”».
- 42 *Путин В. В.* Указ. соч.
- 43 *Арбатов А., Дворкин В.* Указ. соч.
- 44 Стенограмма Научно-практической конференции на тему «Военная безопасность России: XXI век». 14 февраля 2013 г. // http://council.gov.ru/kom_home/kom_safe/files/attachments/file_651.doc.
- 45 *Путин В. В.* Указ. соч.
- 46 Цит. по: Генштаб недоволен техникой в ВС: ломается, изношена, несовременна. 22 февраля 2013 г. // http://ria.ru/defense_safety/20130222/924189618.html.
- 47 Цит. по: Шойгу утвердил план обустройства военных городков на 2013—2014 годы // Рос. газ. — 2013. — 21 янв. (<http://www.rg.ru/2013/01/21/gorodki-anons.html>).
- 48 См.: *Арбатов А., Дворкин В.* Указ. соч.
- 49 Цит. по: Анатолий Сердюков: Минобороны сокращает число контрактников из-за недостатка средств // Рос. газ. — 2010. — 23 сент. (<http://www.rg.ru/2010/09/23/kontraktniki-anons.html>).
- 50 Цит. по: *Пухов Р. Н.* Между контрактом и призывом // Независимая газ. — 2010. — 15 июля (http://www.ng.ru/politics/2010-07-15/3_kartblansh.html).
- 51 *Воробьев Э. А., Цымбал В. И.* Привычка идти зигзагами на попятную — неистребима: от забытых замыслов военного строительства — к приданию армии «нового» и «новейшего» облика // Независимое воен. обозрение. — 2011. — 4 марта (http://nvo.ng.ru/concepts/2011-03-04/1_oblik.html).
- 52 *Мясников В. А.* Двести тысяч уклонистов — всех не переловить: план призыва можно выполнить только на основе социальной справедливости // Независимое воен. обозрение. — 2011. — 18 февр. (http://nvo.ng.ru/realty/2011-02-18/1_uklonisty.html).
- 53 *Воробьев Э. А., Цымбал В. И.* Указ. соч.
- 54 *Барабанов М. С., Макиенко К. В., Пухов Р. Н.* Реформа Сердюкова-Макарова: главные задачи // Воен.-пром. курьер. — 2012. — 22 авг. — № 33.
- 55 *Литовкин В. Н.* Начальник Генштаба поставил диагноз // Независимое воен. обозрение. — 1—7 апр. — № 12 (656).
- 56 Пять задач Главковерха // Независимое воен. обозрение. — 2011. — 25—31 марта. — № 11 (655).
- 57 *Путин В. В.* Указ. соч.
- 58 *Литовкин В. Н.* Тонкая настройка сложного механизма // Независимое воен. обозрение. — 2013. — 8—14 марта. — № 8.
- 59 *Рукишин А. С.* Некоторые итоги реформы Вооруженных сил: миллиарды потрачены, а престиж военной профессии не повысился // Воен.-пром. курьер. — 2012. — 14 нояб. — № 45 (462).
- 60 Сорок семь тысяч, требуются еще двадцать три тысячи // Воен.-пром. курьер. — 2011. — 9 марта. — № 9 (375).
- 61 *Воробьев Э. А., Цымбал В. И.* Указ. соч.
- 62 Сорок семь тысяч...
- 63 *Мясников В. А.* Указ. соч.
- 64 *Литовкин В. Н.* Тонкая настройка...
- 65 *Мухин В. Г.* Указ. соч.

- 66 Воробьев Э. А., Цымбал В. И. Указ. соч.
- 67 Воробьев Э. А., Цымбал В. И. Дорогая российская армия — дешевле не станет, станет эффективнее // Независимое воен. обозрение. — 2011. — 11 марта. — № 9 (653) (http://nvo.ng.ru/concepts/2011-03-11/1_army.html).
- 68 Мухин В. Г. Указ. соч.
- 69 Шлыков В. В. Как это было в Америке // Индекс безопасности. — 2011. — № 1 (96). — С. 167.
- 70 Воробьев Э. А., Цымбал В. И. Дорогая российская армия...
- 71 Венедиктов А. А. Стала ли привлекательной военная служба: несуразности в оплате труда и материальном поощрении защитников Родины // Воен.-пром. курьер. — 2012. — 31 окт. — № 43 (460).
- 72 Мухин В. Г. Указ. соч.
- 73 Воробьев В. В. Провал жилищной программы для военных: во многом это стало возможным из-за воровства и коррупции // Воен.-пром. курьер. — 2012. — 28 нояб. — № 47 (464).
- 74 Там же.
- 75 Там же.
- 76 Там же.
- 77 Арбатов А., Дворкин В. Указ соч.
- 78 Воробьев В. В. Указ. соч.
- 79 Там же.
- 80 Елисеев И. Деньги вместо ордера: увольняемым офицерам дадут не квартиры, а средства на их покупку // Рос. газ. — 2013. — 31 янв. (<http://www.rg.ru/2013/01/31/jikie.html>); Литовкин В. Н. Тонкая настройка...
- 81 Там же.
- 82 Там же.
- 83 Там же.
- 84 Current Status. — 2012. — Nov. 13 // <http://russianforces.org/current/>.
- 85 Ibid.
- 86 Литовкин В. Н. Ракеты на вырост // Независимое воен. обозрение. — 2012. — 21 дек. (http://nvo.ng.ru/realty/2012-12-21/1_rockets.html).
- 87 Арбатов А., Дворкин В. Указ. соч.
- 88 Missile Defense Announcement: As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel, The Pentagon, Friday, March 15, 2013 / U.S. Department of Defense // <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1759#.UUtitDEyeVU.twitter>.
- 89 Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. // http://news.kremlin.ru/ref_notes/461.
- 90 Kile S. N., Fedchenko V., Schell P., Kristensen H. M. Russian Nuclear Forces // SIPRI Yearbook 2012: Armaments, Disarmament and International Security / Ed. by G. Bates; Stockholm Intern. Peace Research Inst. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. — P. 316.
- 91 Nuclear Posture Review Report. April 2010 / United States Department of Defense // <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf>.
- 92 Kile S. N., Fedchenko V., Schell P., Kristensen H. M. Op. cit.
- 93 Арбатов А., Дворкин В. Указ. соч.

- 94 *Есин В. И.* Российские воздушно-космические войска и программа вооружения // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 141—159.
- 95 Там же.
- 96 Подробнее см.: *Арбатов А., Дворкин В.* Указ. соч.; *Есин В. И.* Указ. соч.
- 97 *Есин В. И.* Указ. соч.
- 98 Будущая ПРО РФ будет базироваться на земле и в воздухе — конструктор // РИА Новости. — 2011. — 15 авг. (<http://www.ria.ru/interview/20110815/417675459.html>).
- 99 Космические войска России. 16 мая 2012 г. // http://www.memoid.ru/node/Kosmicheskie_vojska_Rossii.
- 100 Так, по экспертным оценкам, при внешнем целеуказании для зенитных управляемых ракет систем С-300 и С-400 дальность перехвата ими баллистических целей может составлять до 120—250 км (без внешнего целеуказания эти параметры существенно меньше, они лежат в пределах 40—60 км).
- 101 *Путин В. В.* Указ. соч.
- 102 *Арбатов А., Дворкин В.* Указ. соч.
- 103 Там же.
- 104 *Путин В. В.* Указ. соч.
- 105 *Барабанов М. С.* По самолетам планы грандиозные: в прошлом году поставки авиационной техники для ВС России росли, в этом их объемы увеличатся // Воен.-пром. курьер. — 2013. — 16 янв. — № 2 (470); Мы не можем позволить себе закупать плохое вооружение // Воен.-пром. курьер. — 2011. — 2 марта. — № 8 (374).
- 106 *Соловьев В. А.* Тревоги и ожидания главкома ВВС // Независимое воен. обозрение. — 2009. — 7 авг.
- 107 Мы не можем позволить себе...
- 108 *Шушков А. В., Ягольников С. В.* Соединенные Штаты пересматривают ядерную политику: Вашингтон отказывается от сбалансированного устрашения // Воздуш.-космич. оборона. — 2009. — № 4 (47). — С. 29.
- 109 У ВМС США будет меньше авианосцев // Воен.-пром. курьер. — 2013. — 27 марта. — № 12 (480).
- 110 Там же.
- 111 *Мозговой А.* Авианосный зуд // Независимое воен. обозрение. — 2013. — 8 марта.
- 112 Мы не можем позволить себе...
- 113 *Растопшин М. М.* Наши танки в реальной войне обречены? // Независимое воен. обозрение. — 2010. — 8 окт.; *Он же.* Оружие нового облика – блеф и реальность // Независимое воен. обозрение. — 2009. — 4 сент.
- 114 *Широкоград А. Б.* Чем оснащен забытый род войск // Воен.-пром. курьер. — 2011. — 30 нояб. — № 47 (413).
- 115 *Рукшин А. С.* Указ. соч.
- 116 *Мухин В. Г.* Новый боевой резерв Главковерха: Модернизация армии начинается с создания еще одного рода войск — Сил специальных операций // Независимая газ. — 2013. — 18 марта (http://ng.ru/politics/2013-03-18/1_rezerv.html).
- 117 *Воробьев В. В.* Деньги на ветер: финансово-экономический аспект военной реформы 2008—2012 годов // Воен.-пром. курьер. — 2013. — 27 февр. — № 8 (476).

- 118 *Барбанов М. С.* Критический взгляд на ГПВ-2020 // Воен.-пром. курьер. — 2013. — 8 янв. — № 1 (469).
- 119 Там же.
- 120 *Дворкин В. З.* Мифы о роли ВПК // Независимое воен. обозрение. — 2013. — 15 февр. (http://nvo.ng.ru/armament/2013-02-15/9_opk.html).

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Московский Центр Карнеги, основанный в 1994 г. Фондом Карнеги за Международный Мир, — исследовательская организация, в рамках которой ведущие российские эксперты совместно с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги имеют возможность изучать коренные проблемы российской внутренней политики, экономики, международных отношений. Московский Центр Карнеги является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественно-политической жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основная задача которой — содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшению международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд Карнеги за Международный Мир на протяжении более чем ста лет своей деятельности занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Фонд Карнеги за Международный Мир является первой глобальной научно-исследовательской организацией с отделениями в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе, Соединенных Штатах Америки. Фонд Карнеги первым в мире воплотил в жизнь идею о том, что в современных условиях экспертно-аналитической организации, задачей которой является содействие глобальной безопасности, стабильности, процветанию, необходимо иметь постоянные отделения в других странах и использовать межнациональный подход в качестве основополагающего принципа своей деятельности. В сегодняшнем мире, где постоянно усиливаются взаимозависимость и взаимосвязанность глобальных проблем, роль такой организации особенно актуальна.

Фонд Карнеги за Международный Мир

1779 Массачусетс Авеню, NW

г. Вашингтон, 20036, США

Тел.: + 1 202 483 7600

Факс: + 1 202 483 1840

Email: info@CarnegieEndowment.org

www.CarnegieEndowment.org

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва

Тверская ул., д. 16/2

Тел.: + 7 495 935 8904

Факс: + 7 495 935 8906

Email: info@Carnegie.ru

www.Carnegie.ru

ВОЕННАЯ РЕФОРМА РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Алексей Арбатов,
Владимир Дворкин

Редактор А. Иоффе
Дизайнер Я. Красновский
Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Подписано к печати 28.05.2013
Формат 70x100 1/16.
Гарнитура ГТС CharterС.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 6,45
Тираж 700 экз.

Издательство ООО «Пресс Клуб Сервис»
Россия, 27322, Москва,
ул. Милашенкова, д. 10, оф. 96
classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги
Россия, 125009, Москва
Тверская ул., д. 16/2
Тел.: + 7 495 935 8904
Факс: + 7 495 935 8906
Email: info@Carnegie.ru
www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «August Borg»
Россия, 107497, Москва,
Амурская ул., д. 5, стр. 2

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru